

Эрих Фромм

ИСКУССТВО ЛЮБИТЬ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИРОДЫ ЛЮБВИ

Перевод Л.А.Чернышевой

E.Fromm. The Art of loving. An Enquiry into the Nature of Love
М.: Педагогика, 1990

К читателю

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЛЮБОВЬ ИСКУССТВОМ?

ТЕОРИЯ ЛЮБВИ

Любовь - ответ на проблему человеческого существования

Любовь между родителями и детьми

Объекты любви

- a. Братская любовь
- b. Материнская любовь
- c. Эротическая любовь
- d. Любовь к себе
- e. Любовь к Богу

ЛЮБОВЬ И ЕЕ РАСПАД В СОВРЕМЕННОМ ЗАПАДНОМ ОБЩЕСТВЕ

ПРАКТИКА ЛЮБВИ

Вместо заключения

К читателю

Чтение этой книги принесет разочарование тому, кто ожидает доступной инструкции в искусстве любви. Автор, напротив, ставит целью убедить читателя, что любовь не такое чувство, пережить которое может всякий, независимо от уровня достигнутой им зрелости. Нет, все наши попытки испытать любовь обречены на неудачу, если мы не будем стремиться постоянно развивать себя как личность, а удовлетворение в индивидуальной любви не может быть достигнуто без способности любить своего ближнего, без истинной человечности, отваги, веры и дисциплины. В обществе, где эти качества редки, и настоящая любовь – исключение. Пусть каждый спросит себя, много ли он встречал действительно любящих людей.

Однако трудность цели не должна отпугивать тех, кто хочет достичь ее и понять, какие подводные камни надо преодолеть на этом пути. К тому же я старался говорить на предельно доступном языке, сведя к минимуму ссылки на специальную литературу. Для некоторых проблем я не нашел удовлетворительного решения, т.е. не сумел избежать повторения идей, высказанных в предыдущих моих книгах ("Бегство от свободы", "Человек для себя", "Здоровое общество"). И все же "Искусство любить" – вовсе не повторение известного. Здесь содержится много мыслей, выходящих за пределы того, о чем я писал раньше. И это вполне естественно. Ведь и старые идеи обретают все более глубокое видение и понимание, когда сосредоточиваешься на главном вопросе. В данном случае таковым для меня был вопрос: что же такое любовь?

Э.Ф.

Примечание вебмастера. "Искусство любить" Фромма широко представлено в сети переводом Л.Чернышевой, изданным в Минске в 1990-м году. Предлагаемый перевод принадлежит той же Чернышевой и был издан в том же 1990-м году московским издательством "Педагогика". Чувствуется, что над ним основательно потрудились профессионалы.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЛЮБОВЬ ИСКУССТВОМ?

Является ли любовь искусством? Если да, то она требует знаний и усилий. Но, может быть, любовь – божий дар, выпадающий человеку как счастливый случай, удача? Эта маленькая книга основана на первой предпосылке, хотя большинство людей, несомненно, исходят из второй.

При этом люди вовсе не считают любовь делом неважным. Они ее ждут, они смотрят бесчисленное количество фильмов о счастливых и несчастных любовных историях, они слушают сотни глупых песенок о любви, но едва ли кто-нибудь действительно осознает необходимость **учиться** любви. Почему так происходит?

Во-первых, для большинства людей проблема любви состоит в том, чтобы **быть любимым**, а не в том, чтобы самому любить, точнее – **быть способным** любить. Значит, сущность проблемы для них в том, чтобы их любили, чтобы возбудить чувство любви к себе. К достижению этой цели они идут несколькими путями. Первый, которым обычно пользуются мужчины, заключается в том, чтобы стать удачливым, стать сильным и богатым настолько, насколько позволяет социальная ситуация. Другой путь, используемый обычно женщинами, состоит в том, чтобы пленить своей внешностью, фигурой, одеждой и т.д.

Хорошие манеры, умение вести интересную беседу, готовность прийти на помощь, скромность, непритязательность – это тоже способы, которыми и мужчины и женщины пытаются привлечь внимание другой половины, "влюбить" в себя. Иными словами, способы и пути возбуждать любовь к себе – те же самые, какие используются для достижения, например, видной карьеры или обретения полезных друзей и влиятельных связей. Очевидно, большинство людей убеждены, что завоевать любовь просто: достаточно обладать внешней и сексуальной привлекательностью.

Во-вторых, отношение к любви как к удаче зиждется на той точке зрения, что это проблема **объекта**, а не проблема **способности**. Люди думают, что любить просто, а вот найти подлинный объект любви или оказаться любимым этим объектом – трудно. Эта установка имеет несколько причин, коренящихся в развитии современного общества. Одна причина – в большой перемене, произошедшей в XX в. в отношении выбора

"объекта любви". В викторианскую эпоху любовь в большинстве случаев не была спонтанным, личным переживанием, которое впоследствии приводило бы к вступлению в брак. Напротив, брак основывался на соглашении – то ли между семьями, то ли между посредниками – с учетом социально-материального положения и интересов "сторон". Любовь же, как предполагалось, должна была возникнуть и развиваться после заключения брака. В сознании последующих поколений стало утверждаться понимание ценности романтической, идеальной любви. В Соединенных Штатах, хотя традиции договорной природы брака еще полностью и не вытеснены, большинство людей создают семью, руководствуясь своим личным выбором. Свобода любви в значительной мере повышает значение объекта в ущерб значению функции.

Этой тенденции отвечает такая характерная черта нашей цивилизации, как стремление к накоплению, обладанию, взаимовыгодному обмену. Наивысшее удовольствие современного человека, которое он испытывает, глядя на витрины магазинов, знать, что он может позволить себе купить все, что захочет, за наличные или в рассрочку. Он или она и на людей глядят подобным образом. Для мужчины привлекательная женщина, для женщины привлекательный мужчина – это добыча, товар, которыми необходимо завладеть. Привлекательность обычно означает красивую упаковку свойств, которые престижны и искомы на личностном рынке. То, что особенно делает человека привлекательным как физически, так и духовно, зависит от моды данного времени. Так, в 20-х гг. привлекательной считалась эмансипированная – умеющая пить и курить, разбитная и сексуальная – женщина, а сегодня мода требует от нее больше домовитости и скромности. В конце XIX и начале XX в. мужчина, чтобы стать привлекательным товаром, обязан был выглядеть агрессивным и честолюбивым, сегодня он должен быть общительным и терпимым. К тому же чувство влюбленности развивается обычно только в отношении такого человеческого товара, который находится в пределах досягаемости собственного выбора. Я ищу выгоды: объект должен быть желанным с точки зрения социальной ценности и в то же время должен сам желать меня, учитывая мои скрытые и явные достоинства. Два человека влюбляются тогда, когда чувствуют, что нашли друг в друге наилучший объект, имеющийся на рынке, учитывая при этом и возможности собственного обменного фонда. Часто, как при покупке недвижимости, немаловажную роль в этой любовной сделке играют скрытые преимущества, которые со временем могут быть реализованы. Едва ли стоит удивляться, что в обществе, где превалирует прагматическая ориентация и где материальный успех представляет основную ценность, и человеческие любовные отношения следуют законам рынка.

В-третьих, заблуждение, что любви не надо учиться, порождается отождествлением (неразличением) влюбленности и любви как постоянного чувства. Если двое совершенно чужих друг другу людей, какими они были до поры, вдруг позволят разделяющей их стене рухнуть, этот момент соединения становится одним из самых волнующих и прекрасных переживаний в их жизни. Это чудо внезапной близости часто начинается с физического влечения и его удовлетворения. Однако такого типа любовь по самой своей природе недолговечна. Два человека все лучше узнают друг друга, их близость все более и более утрачивает чудесную новизну, пока наконец их антагонизм, их разочарование, их пресыщенность друг другом не гасят остатки былого огня. Вначале же они не предполагали подобный финал: их властно захватила волна слепой страсти. Самозабвенное помешательство друг на друге – вовсе не доказательство силы их любви, а лишь свидетельство безмерности предшествующего ей одиночества.

Убеждение, что ничего нет легче, чем любить, продолжает оставаться преобладающим вопреки своей очевидной ошибочности. Едва ли существует какое-то другое чувство, которое, начинаясь с таких огромных надежд и ожиданий, терпит крах с такой

неизменностью, как любовь. Если бы это касалось чего-либо иного в их жизни, люди сделали бы все возможное, чтобы понять причины неудачи и научиться поступать наилучшим для себя и данного "предприятия" образом или же вовсе бы от него отказались. Поскольку последнее в отношении любви невозможно, то единственно эффективный способ избежать катастрофы – исследовать ее причины и перейти к постижению сути любви.

Первый шаг, который необходимо сделать, – это осознать, что любовь – искусство, такое же, как искусство жить. Если мы хотим научиться любить, мы должны поступать точно так же, как если бы мы хотели научиться любому другому искусству, скажем: музыке, живописи, столярному, врачебному или инженерному делу.

Обучение искусству можно последовательно разделить на два этапа: первый – приобщение к теории; второй – овладение практикой. Если я хочу стать медиком, в первую очередь я должен приобрести знания о теле и организме человека, а также о природе различных болезней. Но даже когда я овладею всеми книжными премудростями, я все еще не смогу считать себя мастером врачевания. Это произойдет после длительной практики, когда знание и навык соединятся в одно – в интуицию, сердце подлинного мастера. Но наряду с теорией и практикой есть еще третья составляющая, без которой не достигнуть высот в любом деле, – это одержимость им, сосредоточенность на нем, предпочтение его всему остальному и всем остальным, полная самоотдача ему себя, своих сил и мыслей. Может быть, именно здесь надо искать ответ на вопрос, почему люди так мало преуспели в постижении искусства любить вопреки их очевидным в нем неудачам. Несмотря на присущую человеку потребность любить и быть любимым, все-таки более важными, чем любовь, остаются для него успех, престиж, деньги, власть – и почти вся энергия употребляется на их достижение. Может быть, достойным занятием считается лишь то, что дает ощутимую пользу, любовь же, нужная только душе, – роскошь в современной жизни? Пусть так. И все же я собираюсь рассмотреть, во-первых, теорию любви (это займет большую часть книги) и, во-вторых, практику любви – насколько можно вообще говорить о практике в этой области.

ТЕОРИЯ ЛЮБВИ

ЛЮБОВЬ – ОТВЕТ НА ПРОБЛЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Человек есть сознающая себя жизнь, он постигает себя, своего ближнего, свое прошлое и возможности своего будущего. Это восприятие себя как отдельного существа, понимание краткости собственной жизни, того, что он не по своей воле рожден и вопреки своей воле умрет, что он может умереть раньше, чем те, кого он любит, или они раньше него, ощущение собственного одиночества, беспомощности перед силами природы и общества – все это делает его отчужденное, разобщенное с другими существование невыносимой тюрьмой. Он стал бы безумным, если бы не мог освободиться из этой тюрьмы, покинуть ее, объединившись в той или иной форме с окружающим миром и людьми.

Переживание отчужденности рождает тревогу, чувство беспомощности, неспособности владеть обстоятельствами, рождает состояние страха: мир может наступить на меня, а я при этом не в силах противостоять ему. Таким образом, отчужденность – источник напряженного беспокойства. Кроме того, она рождает чувство стыда и вины. Их

переживание в связи с отчужденностью выражено в библейском рассказе об Адаме и Еве. После того как Адам и Ева вкусили от древа познания добра и зла, после того как они ослушались (нет добра и зла, пока нет свободы послушания), после того как они стали людьми, высвободившись из первоначальной животной гармонии с природой, т.е. после их рождения в качестве человеческих существ, они увидели, что "они нагие, и устыдились". Должны ли мы предположить, что миф, такой древний и простой, несет в себе стыдливую мораль, свойственную XIX в., и что самая главная идея, которую эта история желает нам сообщить, состоит в том, что они пришли в смущение, увидев, что их половые органы открыты посторонним взглядам? Едва ли это так. Понимая данную притчу в викторианском духе, мы утратим главную ее мысль, которая, как нам кажется, состоит в следующем: после того как мужчина и женщина начали осознавать самих себя и друг друга, они осознали свою отдельность и свое различие из-за принадлежности к разным полам. Но как только они это поняли, они стали чужими друг другу, потому что они еще не научились любить друг друга (что вполне понятно хотя бы из того, что Адам оправдывал себя, обвиняя Еву, вместо того чтобы пытаться защитить ее).

Осознание человеческой отдельности без воссоединения в любви – это источник стыда и в то же время это источник вины и тревоги. Таким образом, глубочайшую потребность человека составляет стремление покинуть тюрьму своего одиночества. Полная неудача в достижении этой цели приводит к безумию, потому что панический ужас вечной изоляции может быть преодолен только таким радикальным способом, когда внешний мир, от которого человек отделен, сам перестает для него существовать.

Во все времена во всех культурах перед человеком стоит один и тот же вопрос: как выйти за пределы своей собственной индивидуальной жизни и обрести единение с другими людьми и окружающими лицами? Этот вопрос мучил и пещерного человека, и кочевника-скотовода, и земледельца Древнего Египта, и финикийского купца, и римского легионера, и средневекового монаха, и японского самурая... Актуален он и для современного клерка, и для фабричного рабочего. Вопрос этот не меняется по сути, потому что он стержневой для человеческого бытия. Ответы же могут быть различны. Они могут воплощаться в поклонении животным, в принесении людских жертв, в милитаристских захватах, в погружении в роскошь, в аскетическом самоотречении, в одержимости работой, в художественном творчестве, в любви к Богу и любви к человеку. Однако если не брать в расчет малые различия, которые касаются скорее отдельных частных случаев, чем сути дела, то придется признать, что наберется довольно ограниченное число ответов, которые были даны и могли быть даны человеком в различных культурах, в которых он жил. История религии и философии есть история поисков ответов на этот вопрос.

Ответ в определенной степени зависит от уровня индивидуализации, достигнутой человеком. У младенца "я" развито еще очень слабо, он не ощущает своей отделенности, пока мать рядом, пока он воспринимает ее физическое присутствие: ее голос, запах ее тела. Только начиная с той поры, когда ребенок начинает чувствовать свою отделенность от матери, ему уже становится недостаточно ее физического присутствия, и он ищет способы преодоления возникающего страха одиночества.

Сходным образом человеческий род в своем младенчестве еще чувствовал единение с природой. Земля, ее флора и фауна – все составляло мир человека. Он отождествлял себя с животными, и это выражалось в ношении звериных масок, поклонении тотему животного и животным-богам. Но чем больше человеческий род порывал с этими первоначальными узами, чем более он отделялся от природного мира, тем острее становилась потребность находить новые пути преодоления отчужденности.

Один путь достижения этой цели составляют все виды оргиастических состояний. Они, например, могут иметь форму транса, в который человек вводит себя самовнушением или с помощью наркотиков. Многие ритуалы первобытных племен представляют живую картину такого типа решения проблемы. В состоянии экзальтации для человека исчезает внешний мир, а вместе с ним и чувство отделенности от него. Ввиду того, что эти ритуалы проводились сообща, сюда прибавлялось переживание групповой сопричастности. Близко связано и часто смешивается с этим оргиастическим решением проблемы половое удовлетворение. Оно может вызвать состояние, подобное экзальтации, вызванной трансом или действием определенных наркотиков. Обряды коллективных оргий были частью многих первобытных ритуалов. После оргиастического переживания человек может на некоторое время расстаться со страданием, проистекающим из его отделенности. Затем тревожное напряжение опять нарастает и снова спадает благодаря повторному исполнению ритуала.

Пока эти оргиастические приемы были общеупотребительны для всего племени, они не порождали у человека чувства тревоги и вины. Поступать так – правильно и даже добродетельно, потому что это общий путь, поощряемый врачевателями и жрецами; следовательно, нет причины стыдиться или укорять себя. Дело совершенно меняется, когда подобное решение избирается индивидом в обществе, уже расставшемся с данной практикой. Как правило, формами забвения своей отчужденности, которые человек выбирает в неоргиастической культуре, являются алкоголизм и наркомания. В противоположность тем, кто участвует в социально одобренном действию, такие индивиды страдают от чувства вины и угрызения совести. Они пытаются бежать от своей отделенности, находя прибежище в алкоголе и наркотиках, но чувствуют еще большее одиночество после того, как оргиастические переживания заканчиваются. В результате растет необходимость затуманивать свое сознание как можно чаще и интенсивнее. Мало чем отличается от данного способа сексуально-оргиастическое решение проблемы изоляции. В определенном смысле оно естественно и нормально. Но для многих индивидов, чья отчужденность непреодолима иными способами, половое удовлетворение по своим функциям не слишком-то отличается от алкоголизма и наркомании. Оно становится отчаянной попыткой избежать тревоги и страха одиночества, но в результате ведет к еще большему увеличению чувства отделенности, поскольку половой акт без любви никогда не может перекинуть мост над пропастью, разделяющей два человеческих существа. Разве что на краткий миг. Все формы оргиастического союза характеризуются тремя проявлениями: они сильны и даже бурны; они захватывают всего человека целиком – и рассудок, и чувства, и тело; они преходящи и периодичны. По-иному воплощается такой способ преодоления изоляции, избираемый людьми в прошлом и в настоящем, как единение, основанное на причастности к группе, ее обычаям, практике и верованиям. В истории это опять же проявлялось по-разному.

Первобытное общество делилось на малые группы людей, связанных узами крови и земли. С развитием культуры эти группы укрупнялись, становясь сообществом граждан одного государства, сообществом членов церкви и т.д. Даже бедный римлянин испытывал чувство гордости, потому что он мог сказать: "*Civis romanus sum!* (Я римский гражданин!)". Рим и империя были его семьей, его домом, его миром. В современном западном обществе единение с группой еще и ныне представляет собой преобладающий способ преодоления личной отделенности. Это единение, в котором человек в значительной степени утрачивает себя как индивид; цель его в том, чтобы не выделяться, слиться со всеми, соответствовать общепринятым нормам и обычаям. Если я похож на кого-то еще, если я не имею отличающих меня чувств или мыслей, если я в привычках,

одежде, идеях приспособлен к образцам группы, я спасен, спасен от ужасающего чувства одиночества. Чтобы стимулировать подобную приспособляемость, диктаторские системы используют угрозы и насилие, демократические – внушение и пропаганду. Правда, между двумя системами существует одно большое различие. В демократических обществах нонконформизм, неприятие существующих мнений фактически возможны; в тоталитарных же системах лишь некоторые редкие герои и мученики рискуют отказаться от пассивного послушания. Но вопреки этой разнице демократические общества демонстрируют поразительный уровень приспособленчества. Причина здесь в том, что должна же быть как-то реализована тяга к единению, и, если нет другого или лучшего способа, тогда господствующим становится стадное приспособленчество. Только тот вполне может понять, как силен страх оказаться непохожим, отличающимся, – словом, белой вороной, кто ощущает всю остроту потребности в единении. Но на самом деле люди **хотят** приспособиться в гораздо большей степени, чем они **вынуждены** приспособляться. По крайней мере, в современных западных демократиях.

Большинство людей даже не осознают своей склонности к приспособленчеству. Они живут с иллюзией, что следуют своим собственным идеям и взглядам, что они оригинальны, что они приходят к своим убеждениям в результате самостоятельного раздумья; это, мол, простое совпадение, что их взгляды схожи с мнением большинства, согласие лишь доказывает правильность "их" идей. Поскольку все же существует потребность как-то выразить свою индивидуальность, это достигается при помощи незначительных отличий (инициалы на сумке или свитере, принадлежность к демократической или, напротив, республиканской партии, к какому-либо клубу и т.д.). Рекламируемый лозунг "это отличается" (*it is different*) не более как патетическая декламация неординарности, тогда как в действительности она весьма невелика.

Эта все возрастающая тенденция к унификации тесно связана с пониманием и переживанием идеи равенства. Равенство в религиозном контексте означает, что все мы дети Бога, что все мы обладаем одной и той же человеко-божеской субстанцией, что все мы едины, хотя и не похожи друг на друга и каждый из нас неповторим, являя космос в себе. Такое утверждение уникальности индивида выражено, например, в положении Талмуда: "Кто сохранит одну жизнь – это все равно как если бы он спас весь мир; кто уничтожит одну жизнь – это все равно как если бы он уничтожил весь мир". Равенство как условие развития индивидуальности имело значение также в философии западного Просвещения. Оно означало (будучи наиболее ясно сформулировано И.Кантом), что никакой человек не может быть средством для целей другого человека. Все люди равны, поскольку все они цели, и только цели, и ни в коем случае не средства друг для друга. Следуя идеям Просвещения, социалистические мыслители разных школ определяли равенство как отмену эксплуатации, использования человека человеком как средства, независимо от того, жестоко это использование или гуманно.

В современном общественном сознании понимание идеи равенства свелось к похожести роботов, т.е. к нивелированию индивидуальности. **Равенство сегодня в большей степени означает тождество, нежели единство.** Это тождество людей, которые работают на одинаковых предприятиях, одинаково развлекаются, читают одни и те же газеты, имеют идентичные чувства, идеи и т.д. В этом смысле приходится скептически оценивать некоторые "достижения" нашего прогресса,

например женскую эмансипацию. Нет необходимости говорить, что я выступаю за равноправие, но против так называемого равенства, когда женщина больше не отличается от мужчины. Утверждение философии Просвещения "душа не имеет пола" стало общей практикой. Полярная противоположность полов исчезает, а с ней – эротическая любовь, основанная на этой полярности. Мужчина и женщина стали похожими, равными, но не равноценными как противоположные полюса. Современное общество проповедует идеал неиндивидуализированной любви, потому что нуждается в похожих друг на друга человеческих деталях общественной жизни, действующей исправно, без трений; чтобы все повиновались одним и тем же приказам, и при этом каждый был бы убежден: он следует своим собственным желаниям. Как современная массовая технология требует стандартизации изделий, так и социальный процесс требует максимальной нивелировки людей. Подобная унификация и называется ныне равенством.

Единение, достигаемое приспособлением к шаблонам, лишь кажущееся и не снимает тревоги одиночества. Случаи алкоголизма, наркомании, эротомании и самоубийств в современных западных обществах являются тому красноречивыми свидетельствами. Более того, этот мнимый выход из тупика затрагивает в основном ум, а не чувственную сферу и потому не идет ни в какое сравнение с оргиастическим решением проблемы. Стадный конформизм обладает только одним достоинством: он стабильно постоянен, а не спонтанен. Индивид осваивает образцы требуемого поведения в 3 – 5-летнем возрасте и впоследствии уже никогда не изменяет стадному чувству. Даже похороны воспринимаются людьми как социальное дело и совершаются в строгом соответствии с ритуалом.

Говоря о приспособляемости как спасении от тревоги одиночества, следует учитывать еще один фактор современной жизни: оупляющую монотонность работы и стереотипы развлечений. Человек становится, как говорят, "от девяти до пяти" частью армии рабочих, клерков или управляющих. У него мало возможности проявить инициативу, его действия предписаны инструкциями, и это касается и тех, кто находится на верху служебной лестницы, и тех, кто внизу. Все они выполняют функции, заложенные в структуре организации или установленные технологическими условиями. Даже их эмоции запрограммированы в соответствующих требованиях к работнику, где указывается, что он должен быть бодр, терпим, надежен, проявлять чувство собственного достоинства и способность без трений вступать в контакт с сослуживцами. Развлечения тоже регламентированы, хотя и не так жестко. Книги подбираются издателями, фильмы и зрелища – хозяевами театров и кинотеатров, которые оплачивают рекламу. Отдых столь же унифицирован: в воскресенье – автомобильная прогулка, сбор у телевизора, партия в карты, дружеская вечеринка. От рождения до смерти, от субботы до субботы, с утра до вечера – все проявления жизни predeterminedены заранее и подчинены шаблону. Как существо, втиснутое в это прокрустово ложе, может не забыть, что оно Человек, уникальная личность, которой дан единственный шанс прожить по-своему жизнь, испытав все ее надежды и разочарования, печали и страхи, счастье любить и ужас перед уничтожением и одиночеством?

Однако есть еще один путь преодоления изоляции от мира – стать подлинным артистом или мастером своего дела. В любом виде работы творческий человек объединяет себя с преобразуемым материалом, олицетворяющим внешний мир. Делает ли столяр стол, создает ли ювелир драгоценное украшение, выращивает

ли крестьянин хлебный колос, рисует ли художник картину – во всех формах созидательной деятельности творец и его предмет становятся чем-то единым, в процессе творения человек вступает в диалог с миром. Это, однако, верно только для того труда, в котором мастер сам планирует, производит и видит его реальный результат. В современной же службе клерка или труде рабочего на конвейере мало что осталось от этого объединяющего свойства труда. Человек стал придатком машины или бюрократической организации, перестав ощущать себя творцом, т.е. самим собой. Значит, спасение от отчуждения он может найти лишь в приспособленности к обстоятельствам.

Единение, достигаемое в созидательной работе, не межличностно; единение, достигаемое в оргиастическом слиянии, преходяще; единение, достигаемое приспособлением, оскопляет личность. Следовательно, оно дает только частичное разрешение проблемы существования, бытия человека. Полное – в достижении межличностного единения, слияния своего "я" и "я" другого человека, т.е. в **любви**.

Желание межличностного единения – наиболее мощное в человеке. Это фундаментальная потребность, та сила, которая заставляет держаться вместе членов определенного рода, клана, семьи, общества. Без любви человечество не могло бы просуществовать и дня. Однако единение может быть достигнуто различными способами, и различие их имеет не меньше значения, чем то общее, что свойственно различным формам любви. Однако все ли союзы людей объединяемы любовью? Или мы должны сохранить слово "любовь" только для особого вида единения, которое имеет высшую ценность во всех великих гуманистических религиях и философских системах прошедших четырех тысячелетий истории Запада и Востока?

Итак, что же мы будем иметь в виду, говоря о чувстве единения: истинную любовь как реальное решение проблемы существования или же незрелые формы любви, которые могут быть названы симбиотическим союзом? На следующих страницах я буду называть любовью только первую форму. А начну обсуждение любви со второй.

Симбиотический союз имеет свою биологическую модель в отношениях между беременной матерью и плодом. Они являются двумя существами и в то же время чем-то единым. Они живут "вместе" (*symbiosis*), они необходимы друг другу. Плод – часть матери, он получает все необходимое ему от нее. Мать – это как бы его мир, она питает его, защищает, но и ее собственная жизнь усиливается благодаря ему. В этом симбиотическом единстве два тела психически независимы, но тот же вид привязанности может существовать и в психологической сфере.

Пассивная форма симбиотического союза – это подчинение, или, если воспользоваться клиническим термином, мазохизм. Мазохист избегает невыносимого чувства изоляции и одиночества, делая себя неотъемлемой частью другого человека, который направляет его, руководит им, защищает его, есть для него как бы его жизнью и кислородом. Мазохист преувеличивает силу того, кому отдает себя в подчинение: будь то человек или Бог. Он всё, я – ничто, я всего лишь часть его. Как часть, я – часть величия, силы, уверенности. Мазохист не принимает решений, не идет ни на какой риск; он никогда не бывает одинок, но не бывает и независим. Он не имеет целостности, он еще даже не родился настоящему. В религиозном контексте объект поклонения – идол, в светском

контексте в мазохистской любви действует тот же существенный механизм, что и в идолопоклонстве. Мазохистские отношения могут быть связаны с физическим, половым желанием; в этом случае имеет место подчинение, в котором участвует не только ум человека, но и его тело. Может существовать мазохистское подчинение судьбе, болезни, ритмической музыке, оргиастическому состоянию, производимому наркотиком, гипнотическим трансом, – во всех этих случаях человек отказывается от своей целостности, делает себя орудием кого-то или чего-то вне себя; он не в состоянии разрешить проблему жизни посредством созидательной деятельности.

Активная форма симбиотического союза – господство, или, используя клинический термин, соотносимый с мазохизмом, садизм. Садист хочет избежать одиночества и чувства замкнутости в себе, делая другого человека неотъемлемой частью самого себя. Он как бы набирается силы, вбирая в себя другого человека, который ему поклоняется.

Садист зависит от подчиненного человека, так же как и тот зависит от него; ни тот, ни другой не могут жить друг без друга. Разница только в том, что садист отдает приказания, эксплуатирует, причиняет боль, унижает, а мазохист подчиняется приказу, эксплуатации, боли, унижению. В реальности эта разница существенна, но в более глубинном эмоциональном смысле она не так велика, как то общее, что уравнивает обе стороны – слияние без целостности. Если это понять, то не удивительно обнаружить, что обычно человек реагирует то по-садистски, то по-мазохистски по отношению к различным объектам. Гитлер поступал прежде всего как садист по отношению к народу, но как мазохист – по отношению к собственной судьбе, истории, "высшей силе" природы. Его конец – самоубийство на фоне полного разрушения – так же характерен, как и его мечта об успехе – полном господстве.

В противоположность симбиотическому союзу любовь – это единение при условии сохранения собственной целостности, индивидуальности. Любовь – это активная сила в человеке, сила, которая рушит стены, отделяющие человека от его ближних; которая объединяет его с другими. Любовь помогает ему преодолеть чувство изоляции и одиночества, при этом позволяя ему оставаться самим собой и сохранять свою целостность. В любви имеет место парадокс: два существа становятся одним и остаются при этом двумя.

Когда мы говорим о любви как об активной силе, мы сталкиваемся с трудностью, заключающейся в многозначности слова "активность". Под "активностью" в современном смысле слова обычно понимают действия, которые вносят изменения в существующую ситуацию посредством затраты сил. Следовательно, человек считается активным, если он делает бизнес, проводит медицинские исследования, работает на конвейере, мастерит стол или занимается спортом. Общее во всех этих видах активности – то, что они направлены на достижение внешней цели. Что здесь не принимается во внимание, так это **мотивация** активности. Возьмем в качестве примера человека, побуждаемого к непрерывной работе чувством глубокой тревожности и одиночеством или стимулируемого гордыней, жадностью к деньгам и т.д. Во всех этих случаях человек есть лишь рабом страсти, и его "активность" на самом деле есть не что иное, как "пассивность", потому что он подвергается побуждению как жертва, а не творец.

Другой пример: человек, сидящий спокойно и размышляющий, не имея иной цели, кроме осознания себя и своего единства с миром, считается пассивным, потому что он не "делает" чего-либо. В действительности такое состояние сосредоточенной медитации есть высшая активность духа, которая возможна только при условии внутренней свободы и независимости. Одна концепция активности – современная – имеет в виду использование энергии для достижения целей извне; другая – подразумевает использование присущих человеку сил независимо от того, осуществляется ли при этом внешнее изменение. Именно вторая концепция активности наиболее четко сформулирована Б.Спинозой. Он делал различие между активными и пассивными чувствами, "действиями" и "страстями". В активном состоянии человек свободен, он хозяин положения, в пассивном, наоборот, побуждаем как-то или чем-то, он объект мотиваций, хотя сам этого не осознает. Таким образом, Спиноза пришел к заключению, что добродетель и сила – одно и то же. Зависть, ревность, честолюбие, любой вид жадности – это страсти; любовь – это действие, реализация заложенной в человеке энергии непременно по его свободной воле и никогда не принуждением. В наиболее общем виде активный характер любви можно описать посредством утверждения: любить – это прежде всего давать, а не брать. Что значит давать? Хотя ответ на этот вопрос кажется простым, он запутан и полон двусмысленности.

Широко распространено заблуждение, что "давать" – это непременно лишиться чего-то, жертвовать чем-то. Именно так воспринимается акт давания человеком, чье развитие остановилось на уровне рецептивной ориентации и который движим страстью к власти или накоплению. Человек торгашеского сознания готов давать только в обмен на что-либо. Давать, ничего не получая взамен, для него означает быть обманутым, обделенным. Такие люди не способны давать бескорыстно. Правда, некоторые из них давание признают в виде пожертвования, возводя этот акт в ранг добродетели именно потому, что давать для них мучительно. Мысль о том, что давать лучше, чем брать, для них так же парадоксальна, как утверждение, что испытывать лишения лучше, чем получать удовольствие.

Для творческой личности "давать" имеет совершенно иное значение. В каждом акте давания я воплощаю свою силу, свое духовное богатство, свою власть над собой. Я чувствую себя уверенным, способным на большие поступки, полным энергии и потому счастливым. Давать радостнее, чем брать, не потому, конечно, что это лишение, а потому, что в процессе давания – высшее проявление моей жизнеспособности.

Нетрудно осознать истинность этого принципа, применяя его к конкретным обстоятельствам. Наиболее простой пример обнаруживается в сфере секса. Кульминация мужской половой функции состоит в акте давания: в момент оргазма мужчина отдает свое семя, он не может иначе, если он potentен. У женщины этот процесс тот же, хотя и несколько сложнее. Она тоже отдает себя, она открывает мужчине свое лоно; получая, она отдает. Если она не способна к этому, она фригидна. В акте давания женщина проявляет себя не только как любовница, но и как мать. Она отдает себя развивающемуся в ее утробе ребенку, она отдает свое молоко младенцу, она отдает ему тепло своего тела. Она бы страдала, если бы не могла отдавать.

И в сфере материальных отношений давать – это своего рода обогащение. Не тот богат, кто имеет много, а тот, кто много отдает. Скупец, который тревожится, как бы чего не лишиться, в психологическом смысле – нищий, несмотря на то что он

много имеет. А всякий, кто способен на самоотдачу, богат. Он ощущает себя человеком, который может дарить себя другим. Только тот, кто лишен самого необходимого для удовлетворения элементарных потребностей, не в состоянии наслаждаться дарением того, что имеет, другим. Но повседневный опыт показывает, что потребности человека определяются не столько возможностями, сколько складом характера.

Хорошо известно, что бедняки готовы поделиться последним с большей готовностью, чем богачи. Однако бывает такая нищета, при которой уже невозможно давать, и именно поэтому она особенно унижительна, так как лишает человека главной радости – наслаждения одарить чем-то другого.

Однако радость давать относится прежде всего не к материальной, а к духовной сфере. Что один человек дает другому? Он дает себя, самое драгоценное из того, что имеет, – частицу своей жизни. Но это не надо понимать в буквальном смысле. Он дает ему свою жизненную энергию, свою радость, свой интерес, свое понимание, свое знание, свой юмор, свою печаль – все переживания и все проявления того, что есть его духовное богатство. И так он обогащает другого человека, увеличивая его творческие силы, чувство жизнеспособности. Он отдает не для того, чтобы получить взамен, бескорыстие дарения само по себе для дарящего – наслаждение. Но, давая, он не может не вызывать в другом человеке ответного движения доброты, энергия которой возвращается обратно, делая дающего богаче душой. Давание побуждает другого человека тоже стать дающим, и они оба увеличивают радость, которую внесли в свою жизнь. В дарении себя и есть та сила, которая рождает любовь, а бессилие – это невозможность породить любовь.

Эта мысль была прекрасно выражена К.Марксом. Представьте, говорил он, человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение, и лишь в этом случае вы можете обменять любовь только на любовь, доверие только на доверие и т.д. Если вы хотите наслаждаться искусством, вы должны быть художественно образованным человеком. Если вы хотите оказывать влияние на людей, вы должны быть человеком, действительно способным вести вперед других людей. Каждое из ваших отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту вашей воли, проявлением вашей индивидуальной жизни. Если вы любите, не вызывая взаимности, т.е. ваша любовь не порождает ответной, если вы жизненными проявлениями своего чувства не возбуждаете ответной любви к себе, ваша любовь бессильна, и она – несчастье.

Но не только в любви "давать", "дарить" означает "обретать". Так, учитель учится у своих учеников, актера вдохновляют его зрители, психоаналитика лечит его пациент – при условии, что они не воспринимают друг друга как объекты воздействия, а связаны друг с другом отношениями искреннего интереса.

Едва ли стоит подчеркивать, что способность к любви как к самоотдаче, дарению зависит от развития самосознания человека. Она подразумевает освобождение от нарциссического желания эксплуатировать, подчинять себе других и бесконечно накапливать, а также обретение веры в свои силы и привычку полагаться на самого себя в достижении целей. Чем более недостает человеку этих черт, тем более он боится растрчивать, отдавать себя, а значит, любить.

Действенный характер любви проявляется и в том, что независимо от своих форм она всегда предполагает определенный набор качеств, в которых индивид реализует свое чувство. Это забота, заинтересованность, ответственность, уважение и знание.

Любовь невозможна без заботы – это наиболее очевидно в любви матери к своему ребенку. Никакие ее заверения в чадолюбии нас не убедят, если мы заметим, например, что она пренебрегает кормлением малыша, не купает его, ленится с ним гулять и т.д. Это относится, кстати, и к животным, цветам и др. Если какая-то женщина скажет вам, что обожает свои орхидеи, а мы увидим, что из-за того, что она их забывает вовремя опрыскивать, они чахнут и вянут, мы вправе не верить ее словам.

Любовь – это активная заинтересованность в жизни и развитии того, к кому мы испытываем это чувство. Где нет активной заинтересованности, там нет любви. Данная аксиома прекрасно отражена в притче об Ионе. Бог повелел Ионе пойти в Ниневию предупредить ее жителей, что они будут наказаны, если не сойдут со своих пагубных путей. Иона, будучи человеком с обостренным чувством справедливости, но не любви, отказался от этой миссии, так как боялся, что люди Ниневии расскажут и Бог простит их. В дальнейшем при попытке к бегству он очутился в животе кита, что символизирует состояние изоляции и замкнутости. Туда он попал из-за недостатка человеколюбия. Но Бог спасает его, и Иона идет в Ниневию. Он проповедует жителям то, что Бог поведал ему, и случается все то, чего он опасался. Люди Ниневии раскаиваются в своих грехах, исправляют пути свои, и Бог прощает их, решая не разрушать город. Иона сильно рассержен и разочарован, он хочет, чтобы восторжествовала справедливость, а не милосердие. Наконец он находит некоторое успокоение в тени дерева, которое Бог вырастил, чтобы защитить Иону от солнца. Но когда Бог заставляет дерево увянуть, Иона впадает в уныние и выражает Богу недовольство. Бог отвечает: "Ты жалеешь растение, ради которого не трудился и которое не растил, которое за одну ночь само выросло и за одну ночь погибло. А я не должен спасти Ниневию, этот большой город, в котором кроме множества скота еще более шести тысяч человек, правая рука которых не ведает, что творит левая?" Ответ Бога Ионе должен быть понят символически. Бог показывает Ионе, что сущность любви – это труд для кого-то, и внушает, что любовь и труд нераздельны. Каждый любит то, для чего он трудится, и каждый трудится для того, что он любит.

Забота и заинтересованность ведут к другому проявлению любви – к ответственности. Ответственность часто понимается как налагаемая кем-то обязанность, как что-то навязанное извне. Но ответственность в ее истинном смысле – это от начала до конца добровольный акт. Это мой ответ на явные или скрытые потребности человеческого существа. Быть ответственным, – значит, быть в состоянии и готовности отвечать. Иона не чувствовал ответственности за жителей Ниневии. Он, подобно Каину, мог отстраниться: "Разве сторож я брату моему?" Любящий же человек всегда чувствует себя ответственным. Жизнь его брата касается не только брата, но и его самого. Он чувствует ответственность за всех ближних как за самого себя. Мать это побуждает к заботе о ребенке, главным образом о его физических нуждах. В любви между взрослыми людьми это преимущественно касается духовных потребностей другого человека.

Ответственность могла бы легко выродиться в желание превосходства и господства, если бы не было еще одного компонента любви – уважения. Уважение

вовсе не страх и благоговение, а способность видеть человека таким, каков он есть, осознавать его уникальность и желать, чтобы другой человек максимально развил свою индивидуальность.

Уважение, таким образом, исключает диктат, насилие, корысть. Я хочу, чтобы любимый мною человек рос и развивался ради него самого, своим собственным путем, а не для того, чтобы служить мне. Если я люблю другого человека, я чувствую единство с ним, но с таким, каков он есть, а не с таким, каким мне хотелось, чтобы он был в качестве средства для моих целей. Ясно, что уважение возможно, только если я сам достиг независимости, если я могу стоять на своих ногах без посторонней помощи, без потребности властвовать над кем-то и использовать кого-то. Уважение существует только на основе свободы. Как говорится в старой французской песне *"L'amour est l'enfant de la liberte"*, любовь – дитя свободы и никогда – господства.

Однако уважать человека невозможно, не зная его; забота и ответственность были бы слепы, если бы их не направляло знание. Знание было бы пустым, если бы его не питала заинтересованность. Есть много видов знания. Знание, которое выступает элементом любви, не ограничивается поверхностным уровнем, а проникает в самую сущность. Это возможно только тогда, когда я могу переступить пределы собственного интереса и понять другого человека в его истинных стремлениях. Я могу догадаться, например, что человек раздражен, даже если он и не проявляет это открыто; но важнее видеть скрытые причины этого состояния: он встревожен и обеспокоен, чувствует себя одиноким или виноватым... Тогда я знаю, что его раздражение – это внешнее проявление более глубоких переживаний, и я смотрю на него как на встревоженного и обеспокоенного, а значит, как на страдающего человека, а не только как на раздраженного.

Знание имеет еще одно, более существенное отношение к проблеме любви. Потребность в соединении с другим – как спасение от одиночества – тесно связана с желанием познать "тайну человека". Хотя жизнь уже в своих биологических проявлениях есть чудо и тайна, человек в его собственно человеческой ипостаси служит непостижимой загадкой для себя самого и для своих ближних. Мы знаем себя, и все же, несмотря на все наши усилия, мы не знаем себя до конца. Мы знаем своего ближнего, и все же мы не знаем, кто он, потому что мы не вещь и наш ближний не вещь. Чем глубже мы проникаем в себя или в другого, тем больше цель познания удаляется от нас. Однако мы не можем избавиться от желания раскрыть тайну человеческой души, увидеть сокровеннейшее ядро, которое и есть ее сущность.

Есть один – отчаянный – путь познать тайну: это путь полного господства над другим человеком, господства, которое сделает его таким, как мы хотим, заставит чувствовать то, что мы хотим; превратит его в вещь, нашу полную собственность. Высшая степень такой попытки познания обнаруживается в крайностях садизма, в желании и способности причинять страдания другому: пытаться его, мучениями заставляя выдать самое сокровенное о себе. В этой жажде проникновения в тайну другого – и соответственно нашу собственную – состоит сущностная мотивация жестокости и разрушительности. В очень лаконичной форме эта идея была выражена Исааком Бабелем. Он приводит слова солдата времен русской гражданской войны, который конем затоптал своего бывшего хозяина. "Стрельбой, – я так скажу, – от человека только отделаться можно; стрельба – это

ему помилование, а себе гнусная легкость, стрельбой до души не дойдешь, где она у человека есть и как она показывается. Но я, бывает, себя не жалею, я, бывает, врага час топчу или более часу, мне желательно жизнь узнать, какая она у нас есть..."

Мы часто наблюдаем подобный способ познания у детей. Ребенок берет какую-либо вещь и разбивает ее ради того, чтобы увидеть, что у нее внутри; или же безжалостно обрывает крылья бабочке, чтобы разобраться, как она летает. Жестокость сама по себе мотивируется чем-то более глубинным: желанием познать тайну вещей и жизни.

Другой способ раскрытия сокровенного – это любовь. Любовь представляет собой активное проникновение в другого человека, когда жажда познания удовлетворяется благодаря единению. В акте слияния я познаю тебя, я познаю себя, я познаю всех – и я "не знаю" ничего. Я обретаю таким путем – благодаря переживанию единения – знание о том, чем человек жив и на что способен, но это знание невозможно получить лишь с помощью рассудка. Садизм, хотя и мотивирован желанием познать тайну, все же оставляет человека таким же несведущим, каким он был и прежде. Я расчленил другое существо на части, и все, чего я достиг, – это разрушил его. Любовь – единственный путь познания, на котором посредством единения возможно найти сакраментальный ответ. В процессе отдавания себя и проникновения в глубь другого человека я открываю нас обоих и узнаю Человека.

Страстное желание раскрыть тайну человеческой сущности выражено в дельфийском призыве "Познай себя!". Это – основная пружина всей психологии. Но желанная цель познать всего человека никогда не может быть достигнута обычным путем – с помощью мысли. Даже если бы мы знали о себе в тысячу раз больше, то и тогда мы никогда не достигли бы самой сути. Мы, а также и наши ближние все же продолжали бы оставаться загадкой. Любовь же выходит за пределы рационального, позволяя пережить небывалое – чувство единства. Однако рассудочное осмысление, т.е. психологические знания, – необходимое условие постижения объекта любви. Я должен знать другого человека как самого себя, чтобы возможно было увидеть, каков он в действительности, или, вернее, чтобы преодолеть иллюзии, искажающие его реальный образ. (Приведенное утверждение имеет важное значение для понимания роли психологии в современной западной культуре. Хотя огромная популярность психологии свидетельствует об интересе к познанию человека, она в то же время говорит о дефиците любви в человеческих отношениях нынешнего времени. Психологические знания, таким образом, становятся подменой собственного опыта любви.)

Проблема познания человека аналогична религиозной проблеме познания Бога. В конвенциональной западной теологии делалась попытка познать Бога посредством мысли, *рассуждая* о Боге. В мистицизме, который представляет собой последовательный результат монотеизма (как я попытаюсь показать позднее), попытка познать Бога посредством мысли была отвергнута и заменена переживанием единства с Богом, в котором не оставалось больше места – и необходимости – для абстрактных рассуждений.

Переживание единства с другим человеком, или – в плане религиозном – с Богом, не есть актом иррациональным. Напротив, как отмечал А. Швейцер, это следствие

реализма, причем наиболее смелое и радикальное, так как вытекает из убеждения: мы никогда не "рассудим" сущность человека как универсума, но мы все же можем проникнуть в нее благодаря любви.

Забота, ответственность, уважение и знание взаимозависимы. Они представляют собой набор установок, которые должны быть заложены в зрелом человеке, т.е. в индивиде, который развивает свои созидательные силы, который хочет иметь лишь то, что он создал, который отказывается от нарциссических мечтаний о всезнании и всемогуществе, который пришел к смирению, основанному на внутренней свободе, обретаемой только в истинно созидательной, творческой деятельности.

До сих пор я говорил о любви как о преодолении человеческого одиночества, осуществлении страстной тяги к единению. Но над всеобщей жизненной потребностью в единении возвышается более специфическая – биологическая потребность в соединении мужского и женского начал. Идея этого притяжения наиболее сильно выражена в мифе о том, что первоначально мужчина и женщина были одним существом, потом их разделили пополам и с тех пор каждая половинка ищет свою пару, чтобы слиться опять в одно целое. (Та же самая идея первоначального единства полов содержится в библейской истории о том, что Ева была создана из ребра Адама, хотя в этой истории, в духе патриархальности, женщина считается существом второстепенным.) Значение мифа достаточно ясно: противоположность заставляет искать единства. Мужские и женские начала сосуществуют в каждом мужчине и в каждой женщине: в своем организме они имеют противоположные половые гормоны. Так же полярны они и в психологическом отношении; воплощая как материальное, так и духовное, мужчина и женщина обретают внутреннюю гармонию только в единении этих двух начал. Полярность составляет основу всякого акта творения, созидания.

Это со всей очевидностью проявляется в биологическом отношении, когда проникновение сперматозоида в яйцеклетку приводит к зачатию ребенка. Но и в психологической сфере дело обстоит так же: в любви мужчины и женщины каждый из них рождается заново. (Гомосексуальный вариант – это неспособность достижения поляризованного единства, следовательно, гомосексуалист страдает от непреодолимого одиночества; этой беде подвержен и гетеросексуалист, неспособный к любви.)

Те же самые единство и полярность мужского и женского начал существуют и в окружающей природе. Есть полярность земли и дождя, реки и океана, ночи и дня, тьмы и света, материи и духа. Эта идея прекрасно выражена великим исламским поэтом и мистиком Руми (1207-1273):

Никогда влюбленный не ищет один.
Не будучи иском своей возлюбленной.
Когда молния любви ударяет в сердце,
Знай, что в этом сердце уже есть любовь.
Когда любовь к Богу возрастает в твоём сердце,
То, без сомнения, Бог полюбил тебя.
Звуки рукоплесканий не в силах
Произвести одна рука без другой.
Божественная мудрость все предвидела,
И она велит нам любить друг друга.
Потому что назначение каждой части мира

В том, чтобы образовать пару со своим суженым.
В глазах мудрецов Небо – мужчина,
А Земля – женщина,
Земля хранит то, что изливается с Неба.
Когда Земле не хватает тепла, Небо его посылает.
Когда она утрачивает свою свежесть,
Небо ее возвращает и обновляет Землю.
Небо кружится по своим орбитам,
Как муж, заботящийся о благе жены своей.
И Земля занята работой вместе с хозяйками,
Помогает при родах и присматривает за младенцами.
Уважай Землю и Небо как наделенных мудростью,
Ибо они исполняют работу мудрецов.
Если двое не доставляют наслаждения друг другу,
Почему они льнут друг к другу подобно влюбленным?
Без Земли – как зацветет и дерево?
Но разве и Небо не дало им свое тепло и воду?
Как Бог вложил желание в мужчину и женщину,
Чтобы продолжать мир от их союза,
Так внушил он каждой части существования,
Чтобы она желала другой части.
День и Ночь по виду враги,
Однако оба служат одной цели.
Любят друг друга ради совершения общего дела.
Без Ночи природа человека не получила бы того,
Богатства, которое тратит День.

Проблема женско-мужской полярности требует дальнейшего рассмотрения темы любви и пола. Я уже говорил прежде в других своих книгах об ошибке З.Фрейда, который видел в любви исключительно выражение, или сублимацию, полового инстинкта вместо того, чтобы признать, что половое желание – лишь проявление потребности в любви и единении. Но ошибка Фрейда лежит глубже. В соответствии со своим физиологическим материализмом он видит в половом инстинкте результат заданного химическими процессами напряжения в теле, причиняющего боль и требующего облегчения. Цель полового желания, по Фрейду, состоит в устранении этого болезненного напряжения; половое удовлетворение – в достижении такого устранения. Этот взгляд имеет основание в том смысле, что половое желание ощущается так же остро, как голод или жажда, когда организм не получает достаточного питания. Половое желание, согласно данной концепции, это страстное томление, а половое удовлетворение устраняет это томление. На деле же, если принять эту концепцию сексуальности, идеалом полового удовлетворения окажется мастурбация. Фрейд начисто игнорирует психобиологический аспект сексуальности, женско-мужскую полярность и желание преодолеть эту полярность путем единения. Вероятно, крайняя патриархальность Фрейда привела его к заблуждению, что сексуальность сама по себе есть мужским качеством и, следовательно, можно игнорировать специфически женскую сексуальность. Он выразил эту идею в работе "Три взгляда на теорию пола", утверждая, что либидо имеет, как правило, мужскую природу, независимо от того, в ком оно проявляется – в мужчине или женщине. Та же идея в рационализированной форме выражена во фрейдовской теории, по которой маленький мальчик воспринимает женщину как кастрированного мужчину, а сама она ищет для себя различных компенсаций отсутствия мужских гениталий. Но женщина – это ведь не кастрированный мужчина, и ее сексуальность специфически женская, противоположная "мужской природе". Половое влечение

лишь отчасти мотивировано необходимостью устранения напряженности, основу же его составляет стремление к единению с другим полом.

Мужественность и женственность наличествуют в характере так же, как и в половой сфере. Мужской характер определяется способностью к анализу, проникновению вглубь, потребностью к руководству, активностью, дисциплинированностью и отвагой; женский – способностью продуктивного восприятия, чувством реальности, выносливостью, склонностью опекать других. (Следует иметь в виду, что в каждом индивиде присутствуют и те и другие качества, но, как правило, с преобладанием тех черт, которые относятся к "ее" или "его" полу.) Очень часто, если у мужчины черты характера его пола не развиты и эмоционально он остался ребенком, человек будет стараться компенсировать этот недостаток преувеличенным подчеркиванием своей мужской роли в сексе. Таков Дон Жуан, которому нужно было доказать свою мужскую доблесть в сексе, потому что он внутренне не уверен в своей мужественности в смысле характера. Если недостаток мужественности принимает крайнюю форму, то извращенным заменителем мужественности становится садизм (употребление силы). Если женская сексуальность ослаблена или извращена, это трансформируется в мазохизм или собственничество.

В свое время теория Фрейда имела передовой и революционный характер, вызывая враждебность традиционно мыслящих людей. Но то, что было истинно для 1900 г., ныне таковым не является. Половые нравы изменились настолько сильно, что теория Фрейда больше не шокирует представителей "средних классов" Запада; и когда ортодоксальные аналитики сегодня все еще думают, что они смелы и радикальны, защищая фрейдовскую теорию пола, это выглядит какой-то донкихотской разновидностью радикализма. На самом деле направление их психоанализа – сугубо конформистское, они даже не пытаются познать те психологические вопросы, которые повели бы к критике современного общества.

Мое неприятие теории Фрейда означает не принижение роли секса, а, наоборот, необходимость более глубокого и серьезного его понимания. З.Фрейд сделал лишь первый шаг в открытии того значения, какое имеют страсти в межличностных отношениях; исходя из своих философских взглядов, он объяснил их физиологически. При дальнейшем развитии психоанализа возникает потребность откорректировать и углубить фрейдовскую теорию, переместив проблему из физиологической области рассмотрения в биологическую и экзистенциальную. Фрейд, впрочем, достаточно продвинулся в этом направлении в своей поздней теории инстинктов жизни и смерти. Его концепция творческого начала (эроса), как источника синтеза и объединения, совершенно отлична от его концепции либидо. Но, несмотря на то, что теория инстинктов жизни и смерти принята даже ортодоксальными аналитиками, это не повело к фундаментальному пересмотру концепции либидо, особенно в отношении клинических аспектов.

ЛЮБОВЬ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ И ДЕТЬМИ

Младенец в момент рождения должен был бы испытывать страх смерти, если бы милостивая судьба не предохранила его от чувства тревоги, связанной с отделением от матери. Новорожденный почти не отличается от того существа, каким он был до момента рождения, и не может осознавать себя и окружающий его мир как нечто, бывшее еще до

него. Он воспринимает пока только положительное действие тепла и пищи, не отличая их от источника – матери. Мать – это тепло, мать – это пища, мать – это эйфорическое состояние удовлетворения и безопасности, т.е., употребляя термин Фрейда, состояние нарциссизма. Внешняя реальность, люди и вещи пока имеют значение лишь в той степени, в какой они удовлетворяют или фрустрируют физиологические потребности. Реально только то, что внутри; все, что находится вовне, реально лишь поскольку необходимо младенцу, но не как объективная ценность с присущими ей качествами.

Но ребенок растет, развивается и постепенно приобретает способность воспринимать вещи как они есть. В конце концов, он начинает понимать, что молоко, грудь и мать – различные субстанции. Он научается видеть много других вещей, имеющих различные, свои собственные существования. С этой поры он пробует давать им имена; на собственном опыте убеждается, что огонь горячий и причиняет боль, материнское тело теплое и приятное, дерево твердое и тяжелое, бумага тонка и рвется... Он учится общаться с людьми, вступая в отношения с ними: мать улыбается, когда я ем; она берет меня на руки, когда я плачу; она похвалит меня, если я облегчусь. Все эти переживания кристаллизуются и объединяются в одном переживании: **я любим**. Я любим, потому что я ребенок своей матери. Я любим, потому что беспомощен. Я любим, потому что прекрасен, неповторим. Я любим, потому что мать нуждается во мне. Это можно выразить в более общей форме: **я любим за то, что я есмь**, или, что более точно: **я любим, потому что это я**. Переживание любимости матерью – пассивное чувство. Мне ничего не надо делать для того, чтобы быть любимым, – материнская любовь безусловна. Все, что от меня требуется, – это быть – быть ее ребенком. Но есть и негативная сторона в этой "гарантированной" любви. Ее не только не нужно заслуживать, но ее и нельзя добиться, тем более контролировать. Если она есть, то она равна блаженству, если же ее нет, это все равно как если бы все прекрасное ушло из жизни – и ничего нельзя сделать, чтобы эту любовь искусственно создать.

Для большинства детей в возрасте 8-10,5 лет проблема почти исключительно в том, чтобы быть любимыми за то, что они есть. Младший ребенок еще не способен любить; он благодарно и радостно принимает как данность то, что он любим. С указанной же поры в детском развитии появляется новый фактор: ощущение способности возбуждать любовь своей собственной активностью. Ребенок начинает думать о том, как бы дать что-нибудь матери (или отцу), создать для нее нечто, чтобы порадовать: стихотворение, рисунок, поделку... Впервые в его жизни идея любви из желания быть любимым переходит в желание любить, в сотворение любви. Много лет пройдет с этого первого шага до зрелой любви. В конце концов ребенку, может быть уже в юношеском возрасте, предстоит преодолеть свой эгоцентризм, увидев в другом человеке не только средство для удовлетворения собственных желаний, а самоценное существо. Потребности и цели другого человека станут так же, если не более, важны, как собственные. Давать, дарить окажется куда более приятно и радостно, чем получать; любить даже более ценно, чем быть любимым. Любя, человек покидает тюрьму своего одиночества и изоляции, которые образуются состоянием нарциссизма и сосредоточенности на себе. Человек переживает счастье единения, слиянности. Более того, он чувствует, что способен вызывать любовь своей любовью, – и ставит эту возможность выше той, когда любят его. Детская любовь следует принципу "Я люблю, потому что я любим", зрелая – "Я любим, потому что я люблю". Незрелая любовь кричит: "Я люблю тебя, потому что я нуждаюсь в тебе". Зрелая любовь говорит: "Я нуждаюсь в тебе, потому что я люблю тебя".

С обретением **способности** любить тесно связано развитие **объекта** любви. Первые месяцы и годы – это период жизни, когда ребенок наиболее сильно привязан к матери. Это чувство близости начинается с момента рождения, когда мать и ребенок составляют

единство, хотя их уже двое. Ребенок, хотя теперь уже живет не в утробе, все еще полностью зависим от матери. Однако день за днем он становится все более самостоятельным: учится ходить, говорить, познавать мир; со временем связь с матерью несколько утрачивает свое жизненно необходимое значение и вместо этого все более и более важными становятся взаимоотношения с отцом.

Чтобы понять этот поворот от матери к отцу, мы должны принять во внимание существенное различие между материнской и отцовской любовью. Материнская любовь по самой своей природе безусловна. Мать любит новорожденного младенца, потому что это ее дитя, потому что с его появлением в ее мире произошли преобразования, свершились какие-то важные ожидания. (Конечно, когда я говорю здесь о материнской и отцовской любви, я моделирую "идеальные типы", отнюдь не считая, что каждая мать и отец любят именно так. Я имею в виду отцовское или материнское начало, которое представлено в личности каждого родителя.) Безусловная любовь утоляет одно из сокровеннейших желаний не только ребенка, но и любого человека. Когда любят "за что-то", за какие-то достоинства, т.е. ты сам *заслужил* любовь, это всегда связано с сомнениями: а вдруг я не нравлюсь человеку, от которого жду любви? А вдруг то, а вдруг это... Всегда существует опасность, что любовь к тебе может исчезнуть. Далее, "заслуженная" любовь всегда оставляет горькое чувство, что ты любим не сам по себе, а лишь постольку, поскольку приятен, нужен, что ты, в конечном счете, не любим вовсе, а используем. Неудивительно, что все мы томимся по "беспричинной", материнской любви, будучи и детьми, и взрослыми. Большинство детей имеют счастье насладиться материнской любовью (в какой степени – это обсудим позднее). Взрослому же человеку удовлетворить ту же самую потребность в бескорыстной материнской любви намного труднее. Эта потребность проявляется как компонент нормальной эротической любви; порой же находит выражение в религиозных и даже невротических формах.

Связь с отцом совершенно иная. Мать – это дом, из которого мы уходим, это природа, океан; отец же не олицетворяет никакого такого природного дома. Он имеет слабый контакт с ребенком в первые годы его жизни, не идущий ни в какое сравнение с материнским. Но зато отец представляет собой другой полюс человеческого существования, где – мысли, вещи, созданные человеческими руками, закон и порядок, дисциплина, путешествия и приключения... Отец – это тот, кто учит ребенка, как узнавать дорогу в большой мир.

С этой отцовской функцией тесно связана и другая, которую можно назвать социально-экономической. Когда возникли частная собственность и возможность передать наследство одному из потомков, отец стал с нетерпением ждать появления сына, которому он мог бы оставить свое дело. Естественно, что им оказывался тот сын, которого отец считал наиболее подходящим своим преемником, который был более всего похож на отца и, следовательно, которого он любил больше всех. Отцовская любовь – это обусловленная любовь. Ее принцип таков: "Я люблю тебя, потому что ты удовлетворяешь моим ожиданиям, потому что ты достойно исполняешь свои обязанности, потому что ты похож на меня". В обусловленной отцовской любви мы находим, как и в безусловной материнской, отрицательную и положительную стороны. Отрицательную сторону составляет уже тот факт, что отцовская любовь должна быть заслужена, что она может быть утеряна, если человек не сделает того, чего от него ждут. В самой природе отцовской любви заключено, что послушание становится основной добродетелью, непослушание – главным грехом. И наказанием за него служит

утрата отцовской любви. Важна и положительная сторона. Поскольку отцовская любовь обусловлена, то я могу что-то сделать, чтобы добиться ее, я могу трудиться ради нее; отцовская любовь не находится вне пределов моего контроля – в отличие от любви материнской.

Материнская и отцовская установки по отношению к ребенку соответствуют его собственным потребностям. Младенец нуждается в материнской безусловной любви и заботе как физиологически, так и психически. Ребенок же старше 6 лет начинает ощущать необходимость отцовской любви, его авторитета и руководства. Функция матери – обеспечить ребенку безопасность в жизни, функция отца – учить его, руководить им, чтобы он смог справляться с проблемами, которые ставит перед человеком то общество, в котором он родился. В идеальном случае материнская любовь не пытается мешать ребенку взрослеть, не поощряет его беспомощность, напротив, помогает стать независимым, способным в конце концов отделиться от нее. Сама мать обязана быть оптимистом, дабы не заразить ребенка своей тревогой и неуверенностью. Отцовская любовь должна направляться принципами, а также ожиданиями; ей следует быть терпеливой и снисходительной, а не угрожающей и авторитарной. Она должна давать ребенку всевозрастающее чувство собственной силы и, наконец, позволить ему выглядеть авторитетным в собственных глазах, освободясь от авторитета отца.

В конечном счете зрелый человек приходит к тому моменту, когда он сам становится и своей собственной матерью, и своим собственным отцом. Он обретает как бы их объединенное сознание. Материнское сознание говорит: "Нет злодеяния, нет преступления, которое могло бы лишит тебя моей любви, моего желанья, чтобы ты жил и был счастлив". Отцовское сознание внушает: "Ты совершил зло, ты не можешь избежать последствий своего проступка, и, если ты хочешь, чтобы я любил тебя, ты должен прежде всего исправить свое поведение". Зрелый человек внешне становится свободен от материнского и отцовского влияния, но он включает его в свою сущность, запрягает внутрь. Однако, вопреки фрейдовскому понятию сверх-Я, он делает это, не повторяя мать и отца, а строя материнское сознание на основе своей собственной способности любить, а отцовское сознание – на своем разуме и здравом смысле. Более того, зрелый человек соединяет в своей любви материнское и отцовское чувства, несмотря на то, что они, казалось бы, противоположны друг другу. Если бы он обладал только отцовским чувством, то был бы злым и бесчеловечным. Если бы обладал лишь материнским, то был бы склонен к утрате здравомыслия, препятствуя себе и другим в развитии.

В естественности перехода от матерински-центрированной к отцовски-центрированной привязанности и в их окончательном синтезе состоит основа духовного здоровья и зрелости. Отсутствие гармонии в этой сфере служит главной причиной неврозов. Хотя более полное развитие этой мысли выходит за пределы нашей книги, все же несколько кратких замечаний способны прояснить данное утверждение.

Причиной невротического состояния мальчика может стать любящая, но излишне снисходительная или, наоборот, властная мать и слабый безразличный отец. В первом случае ребенку грозит чрезмерная фиксация на своей ранней привязанности к матери; впоследствии из него может развиваться человек, полностью зависимый от матери, остро чувствующий собственную

беспомощность, обладающий ярко выраженными чертами рецептивного характера, склонный подвергаться влиянию, быть опекаемым, нуждающийся в постоянной заботе, словом, человек, которому недостает отцовских качеств – дисциплины, независимости, способности самому быть хозяином своей жизни. Он будет стараться найти "мать" в смысле авторитета и власти в ком угодно – как в женщинах, так и в мужчинах. Если же мать холодна, неотзывчива и властна, ребенок может перенести потребность в материнской опеке на своего отца и на последующие отцовские образы – в данном случае конечный результат схож с предыдущим. Или же из этого ребенка вырастет человек, односторонне ориентированный на отца, полностью подчиненный принципам закона, порядка и авторитета и лишенный способности ожидать и получать безусловную любовь. Подобная тенденция будет тем более усиливаться, если отец авторитарен и в то же время сильно привязан к сыну. Итак, одного начала – или отцовского, или материнского – недостаточно для нормального развития личности. Дальнейшее исследование может показать, что определенные типы невротиков, как, например, маниакальный, развиваются в большей степени на основе односторонней привязанности к отцу, тогда как другие типы, вроде истерии, алкоголизма, неспособности утверждать себя и бороться за жизнь реалистически, а также депрессии, являются результатом центрированности на матери.

ОБЪЕКТЫ ЛЮБВИ

Любовь – это не обязательно отношение к определенному человеку; это **установка, ориентация характера**, которая задает отношение человека к миру вообще, а не только к одному "объекту" любви. Если человек любит только кого-то одного и безразличен к остальным близким, его любовь – это не любовь, а симбиотический союз. Большинство людей уверены, что любовь зависит от объекта, а не от собственной способности любить. Они даже убеждены, что, раз они не любят никого, кроме "любимого" человека, это доказывает силу их любви. Здесь проявляется заблуждение, о котором уже упоминалось выше, – установка на объект. Это похоже на состояние человека, который хочет рисовать, но вместо того чтобы учиться живописи, твердит, что он просто должен найти достойную натуру: когда это случится, он будет рисовать великолепно, причем произойдет это само собой. Но если я действительно люблю какого-то человека, я люблю всех людей, я люблю мир, я люблю жизнь. Если я могу сказать кому-то "я люблю тебя", я должен быть способен сказать "я люблю в тебе все", "я люблю благодаря тебе весь мир, я люблю в тебе самого себя".

Мысль, что любовь – это ориентация, которая направлена на **всё**, а не на что-то одно, не основана, однако, на идее, что не существует различия между разными типами любви, зависящими от видов объекта любви.

а. Братская любовь

Наиболее "фундаментальный" вид любви, составляющий основу всех ее типов, – это братская любовь. Под ней я понимаю ответственность, заботу, уважение, обстоятельное знание другого человеческого существа, желание продлить его жизнь. Об этом виде любви идет речь в Библии, когда говорится: "Возлюби ближнего своего, как самого себя". Братская любовь – это любовь ко всем человеческим существам; ее характеризует полное отсутствие предпочтения. Если я развил в себе способность любви, я не могу не любить своих братьев. В братской

любви наличествует переживание единства со всеми людьми, человеческой солидарности. Братская любовь основывается на чувстве, что все мы – одно. Различия в талантах, образовании, знаниях не принимаются в расчет; главное здесь – идентичность человеческой сущности, общность всех людей.

Чтобы испытать чувство идентичности, необходимо проникнуть вглубь – от периферии к центру. Если я постиг другого человека лишь поверхностно, я постиг только различия, которые отдаляют нас. Если я проник в его суть, я постиг нашу идентичность, смысл нашего братства. Это связь центра с центром, а не периферии с периферией – "центральная связь". Или, как это прекрасно выразила С.Вейл:

"Одни и те же слова (например, когда мужчина говорит своей жене: "Я люблю тебя") могут быть банальными или оригинальными в зависимости от того, как они произносятся. А это зависит от того, из какой глубины человеческого существа исходят слова; воля здесь ни при чем. И благодаря чудесному согласию они достигают такой же глубины в том человеке, кто слышит их. Таким образом, слушающий, если он обладает хоть какой-либо способностью различения, ощутит истинную ценность этих слов".

Братская любовь – это любовь между равными; но даже равные не всегда "равны". Как люди, все мы нуждаемся в помощи. Сегодня я, завтра ты. Но эта потребность не означает, что один всегда беспомощен, а другой всемогущ. Беспомощность – это временное явление; умение обходиться собственными силами – устойчивое состояние.

И все же любовь к беспомощному человеку, любовь к бедному и чужому – это начало братской любви. Нет заслуги в том, чтобы любить человека одной с тобой крови. Животные любят своих детенышей и заботятся о них. Слабый человек любит своего покровителя, так как от него зависит его жизнь. Ребенок любит своих родителей, потому что нуждается в них. Истинная же любовь начинает проявляться только в отношении тех, кого мы не можем использовать в своих целях. Примечательно, что в Ветхом завете центральный объект человеческой любви – бедняк, чужак, вдова и сирота. Испытывая сострадание к беспомощному существу, человек учится любить и своего брата; любя себя самого, он также любит того, кто незащищен и нуждается в помощи. Сострадание включает элемент знания и идентификации. "Вы знаете душу чужого, – говорится в Ветхом завете, – потому что сами были чужаками в земле Египта... поэтому любите чужого!"

в. Материнская любовь

Мы уже касались вопроса материнской любви в предыдущей главе, когда обсуждали разницу между материнской и отцовской любовью. Материнская любовь, как я уже говорил, – это безусловная самоотдача во имя жизни ребенка и его потребностей. Но здесь должно быть сделано одно важное дополнение. Жизнеобеспечение ребенка имеет два аспекта: один – это забота и ответственность, абсолютно необходимые для сохранения его здоровья и биологического роста. Другой аспект выходит за пределы простого сохранения жизни. Это установка, которая внушает ребенку любовь к жизни, которая дает ему почувствовать, что **хорошо** быть живым, **хорошо** быть мальчиком или девочкой, **хорошо** жить на этой земле! Два этих аспекта материнской любви лаконично выражены в библейском рассказе о творении. Бог создал мир и человека. Это соответствует простой заботе и утверждению существования. Но Бог вышел за пределы этого минимального требования. Всякий день после творения природы – и человека – Бог говорит: "Это

хорошо". Материнская любовь на этой второй, высшей ступени заставляет ребенка почувствовать, как хорошо родиться на свет; она внушает ребенку любовь к жизни, а не только желание существовать. Та же идея может быть выражена и другим библейским символом. Земля обетованная (земля – это всегда материнский символ) описана как "изобилующая молоком и медом". Молоко – это олицетворение первого аспекта любви, заботы и утверждения. Мед символизирует радость жизни, любовь к ней. Большинство матерей, безусловно, дают своим детям "молоко", но лишь немногие способны подсластить его "медом" – для этого нужно быть не только хорошей матерью, но и счастливым человеком, а эту цель достигнуть непросто. Воздействие матери на ребенка едва ли может быть преувеличено. Материнская любовь к жизни так же заразительна, как и ее тревога. Обе установки имеют глубокое воздействие на личность ребенка в целом: среди детей и взрослых можно выделить тех, кто получили только "молоко", и тех, кто получили и "молоко", и "мед".

В противоположность братской и эротической любви, которые являются формами любви между равными, связь матери и ребенка – это по самой своей природе неравенство, где один полностью нуждается в помощи, а другой дает ее. Из-за альтруистического, бескорыстного характера материнская любовь считается высшим видом любви и наиболее священной из всех эмоциональных связей. Представляется все же, что действительным достижением материнской любви выступает не любовь матери к младенцу, а ее любовь к растущему ребенку. Действительно, огромное большинство матерей – любящие матери, пока ребенок мал и полностью зависим от них. Большинство матерей хотят детей, они счастливы, нянча новорожденных и погружаясь в заботу о них. И это несмотря на то, что в ответ ничего не получают от ребенка, кроме улыбки или выражения удовольствия на лице. Эта установка на любовь отчасти коренится в инстинктивной природе, которую можно обнаружить у самок – как животных, так и людей. Но наряду с важностью инстинктивного фактора существуют еще специфически человеческие психологические факторы, ответственные за этот тип материнской любви. Один из них может быть обнаружен в нарциссическом элементе материнской любви. Ввиду того, что ребенок воспринимается как часть ее самой, любовь и слепое обожание матери могут быть удовлетворением ее нарциссизма. Другие мотивации могут быть обнаружены в материнском желании власти или обладания. Ребенок – существо беспомощное и полностью зависимое от ее воли – это естественный объект удовлетворения властолюбия женщины, обладающей собственническими чертами.

Хотя эти мотивации встречаются часто, они, вероятно, все же менее важны и менее всеобщы, чем мотивация, которая может быть названа потребностью трансцендирования. Эта потребность – одна из основных, коренящаяся в самосознании человека. Он не удовлетворен своей ролью в сотворенном мире, так как не может воспринимать себя в качестве игровой кости, наугад брошенной из кубка. Ему необходимо чувствовать себя творцом, выйдя за пределы пассивной роли созданного кем-то существа. Есть много путей для достижения творческого удовлетворения; наиболее естественный и легкий – материнская забота и любовь к собственному творению, т.е. к ребенку. Эта любовь придает значение и смысл ее жизни, расширяет пределы ее существования. (В самой неспособности мужчины удовлетворить потребность в трансцендировании

посредством рождения детей заключена его страстная потребность выйти за пределы себя с помощью творений своих рук и идей.)

Но ребенок должен расти. Он должен покинуть материнское лоно, оторваться от материнской груди, наконец, стать совершенно независимым человеческим существом. Сама суть материнской любви – забота о росте ребенка – предполагает желание, чтобы ребенок отделился от матери. В этом основное ее отличие от любви эротической. В эротической любви два человека, которые были обособлены, становятся едины. В материнской же любви два человека, которые были едины, становятся отдельными друг от друга. Мать должна не просто смириться, а именно хотеть и поощрять отделение ребенка. Именно на этой стадии материнская любовь возлагает на себя столь трудную миссию, требующую бескорыстности способности отдавать все и не желать взамен ничего, кроме счастья любимого человека. Именно на этой стадии многие матери оказываются не способны к настоящей любви. Нарциссическая, властная, с собственнической установкой мать может искренне любить ребенка, пока он мал. Но только лишь женщина, для которой больше счастья в том, чтобы отдавать, чем в том, чтобы брать, личность, обретшая ценность в своем собственном существовании, способная любить своего мужа, других детей, чужих людей, может стать действительно любящей матерью, когда ребенок начнет отделяться от нее.

Материнская любовь к растущему ребенку, любовь, которая ничего не желает для себя, – это, возможно, наиболее трудная форма любви из всех достижимых и наиболее обманчивая из-за легкости, с которой мать любит свое дитя в младенчестве.

с. Эротическая любовь

Братская любовь – это любовь между равными; материнская любовь – это любовь к беспомощному существу. Как бы они ни отличались друг от друга, общее у них то, что они по своей природе не ограничиваются одним человеком. Если я люблю своего брата, я люблю всех своих братьев; если я люблю своего ребенка, я люблю всех своих детей; более того, я люблю всех чужих детей, всех, кто нуждается в моей помощи. Противоположность обоим этим типам любви составляет эротическая любовь; она жаждет полного слияния с одним-единственным человеком. Она по самой своей природе исключительна, а не всеобща; к тому же, вероятно, это самая обманчивая форма любви.

Прежде всего ее часто путают с бурным переживанием "влюбленности", внезапного крушения барьеров, существовавших до определенного момента между двумя чужими людьми. Но, как было отмечено ранее, это переживание внезапной близости по самой своей природе кратковременно. После того как чужой станет близким, нет больше барьеров для преодоления, нет больше ожидания сближения. Любимого человека познаешь так же хорошо, как самого себя. Или, лучше сказать, так же мало, как самого себя. Если бы восприятие другого человека шло вглубь, если бы постигалась бесконечность его личности, то другого человека никогда нельзя было бы познать окончательно – и чудо преодоления барьеров могло бы повторяться каждый день заново. Но у большинства людей

знакомство с собственной личностью, а тем более с другими слишком поспешно, слишком быстро исчерпывается. Для них близость утверждается прежде всего через половой контакт. Поскольку отчужденность другого человека они ощущают прежде всего как физическую отчужденность, то физическое единство принимают за достижение близости. Кроме того, существуют другие факторы, которые для многих людей означают преодоление отчужденности. Это возможность поговорить о своей личной жизни, о собственных надеждах и тревогах, проявить свою детскость и ребячливость, найти общие интересы... Даже обнаружить свой гнев, свою ненависть, свою полную неспособность сдерживаться – все принимается за близость. Этим можно объяснить извращенное влечение друг к другу, которое в супружеских парах испытывают люди, кажущиеся себе близкими только тогда, когда они находятся в постели или дают выход своей взаимной ненависти и ярости. Но во всех этих случаях близость с течением времени имеет тенденцию сходиться на нет. В результате – попытки сближения с новым, незнакомым человеком. Опять чужой превращается в близкого, опять вспыхивает напряженное и сильное переживание влюбленности, и опять она мало-помалу теряет свою силу и заканчивается желанием очередной победы, следующей любви – в надежде, что она будет существенно отличаться от прежних. Этим иллюзиям в значительной степени способствует обманчивый характер полового желания.

Половое желание требует слияния, но физическое влечение основывается не только на желании избавления от болезненного напряжения. Половое желание может быть внушено не только любовью, но также тревогой и одиночеством, жадной покорять и быть покоренным, тщеславием, кроме того, потребностью причинять боль и даже унижать. Оказывается, половое желание вызывается или легко сливается с любой другой сильной эмоцией. Из-за того, что половое желание в понимании большинства людей соединено с идеей любви, они легко впадают в заблуждение, что любят друг друга, в то время как речь может идти лишь о физическом влечении. Вызванная любовью физическая близость лишена жадности, потребности покорять или быть покоренным, но исполнена нежности. В ином случае единство, которое могло бы быть чем-то большим, чем оргиастическое преходящее слияние, недостижимо. Половое влечение создает на краткий миг иллюзию единства, однако без любви оно оставляет людей такими же чуждыми друг другу, какими они были прежде. Иногда оно заставляет их впоследствии стыдиться и даже ненавидеть друг друга, потому что, когда иллюзия исчезает, они ощущают свою отчужденность еще сильнее, чем прежде. Нежность не означает, как думал З.Фрейд, сублимацию полового инстинкта; это прямой результат братской любви, и она присутствует как в физической, так и в нефизической форме любви.

В эротической любви есть предпочтительность, которой нет в братской и материнской любви. Эта ее сторона требует более подробного рассмотрения. Часто предпочтительность эротической любви неверно интерпретируется как привязанность, основанная на обладании. Нередко можно найти двух людей, влюбленных друг в друга и не испытывающих любви больше ни к кому. На самом деле их любовь – это эгоизм двоих. Два человека отождествляются друг с другом и решают проблему одиночества, увеличивая единичную индивидуальность вдвое. Однако будучи изолированными от всего остального человечества, они остаются

отделенными и друг от друга, и каждый из них отчужден от самого себя. Их переживание соединенности – иллюзия. Истинная любовь делает свой выбор, но в другом человеке она любит все человечество, все, что есть живого. Она предпочтительна только в том смысле, что я могу соединить себя целиком и прочно лишь с одним человеком. Эротическая любовь исключает любовь к другим только в отношении эротического слияния, полного соединения во всех аспектах жизни, но не в смысле глубокой братской любви.

Эротическая любовь имеет одну предпосылку: в сущности, все человеческие существа одинаковы, мы все часть Единства. А раз так, то не должно быть никакой разницы, кого любить. Любовь должна быть актом воли, решимостью целиком соединить свою жизнь с жизнью другого человека. В этом – рациональное зерно идеи нерасторжимости брака, как и обоснование многих форм традиционного брака (в котором, например, два партнера никогда сами не выбирают друг друга, предоставив выбор своим близким, притом ожидается, что они будут взаимно любимы и счастливы). Для современной западной культуры эта идея оказалась от начала и до конца неприемлемой. Некоторые считают, что любовь должна явиться результатом спонтанной, эмоциональной вспышки, внезапно возникшего непреодолимого чувства. С этой точки зрения важны лишь характерные особенности двух захваченных порывом индивидов, а не тот факт, что все мужчины – часть Адама, а все женщины – часть Евы. Эта точка зрения не желает видеть такой важный фактор эротической любви, как воля. Любовь к кому-либо – это не просто сильное чувство, это решимость, это разумный выбор, это ответственность, это поступок. Если бы любовь была только чувством, то не было бы основания обещать любить друг друга вечно. Чувство приходит и уходит. Как я могу знать, что оно останется навечно, если мое действие не включает разумного выбора и решения?

Принимая во внимание все эти точки зрения, можно было бы прийти к заключению, что любовь – это исключительно акт воли и обязательства и поэтому в корне безразлично, каковы характеры любовных партнеров. Устраивался ли брак другими или же стал результатом индивидуального выбора – если он заключен, то человеческая воля должна гарантировать продолжение любви. Такой взгляд не учитывает парадоксального характера человеческой природы и эротической любви. Мы все – Единство, однако каждый из нас – уникальное, неповторимое существо. В наших отношениях с другими повторяется тот же парадокс. Так как все мы – одно, мы можем любить каждого человека братской любовью. Но ввиду того, что все мы еще и различны, эротическая любовь требует определенных, в высшей степени индивидуальных элементов, которые наличествуют далеко не у всех людей.

Верны обе точки зрения – и та, что эротическая любовь – это от начала до конца уникальное влечение двух конкретных людей, и другая, утверждающая: эротическая любовь не что иное, как проявление воли. Или, если выразиться более точно, неверна ни та, ни другая. Мысль о том, что отношения могут быть легко расторгнуты, если они безуспешны, ошибочна точно так же, как и идея, провозглашающая, что отношения не должны быть расторгнуты ни при каких обстоятельствах.

d. Любовь к себе

Широко распространено мнение, что любить других людей добродетельно, а любить себя – грешно. Считается, что в той мере, в какой я люблю себя, я не люблю других, что любовь к себе – синоним эгоизма. Этот взгляд довольно стар в западной философии. Кальвин говорил о любви к себе как о "чуме". Подобный смысл заключался и в суждениях З.Фрейда, хотя тот и прибегал к психиатрическим терминам. Для него любовь к себе – то же, что и нарциссизм: обращение либидо на самого себя. Нарциссизм является собой раннюю фазу человеческого развития; человек же, который в позднейшей жизни возвращается к нарциссической стадии, не способен любить; в крайних случаях это ведет к безумию. Фрейд утверждал, что если либидо направлено на других людей, то это "любовь", а если на своего носителя, то это "любовь к себе". Следовательно, "любовь" и "любовь к себе" взаимно исключаются в том смысле, что чем больше первая, тем меньше вторая. Если любить себя плохо, то отсюда следует, что не любить себя добродетельно.

Однако тут возникают вопросы. Подтверждает ли психологическое исследование тезис, что есть существенное противоречие между любовью к себе и любовью к другим людям? Любовь к себе – это тот же феномен, что и эгоизм, или они противоположны? Далее. Действительно ли эгоизм современного человека – это интерес к себе как к индивидуальности, со всеми его интеллектуальными, эмоциональными и чувственными возможностями? Не стал ли он придатком социально-экономической роли? Тождествен ли эгоизм любви к себе или он является следствием ее отсутствия?

Прежде чем начать обсуждение психологического аспекта эгоизма и любви к себе, следует подчеркнуть наличие логической ошибки в определении, что любовь к другим и любовь к себе взаимно исключают друг друга. Если добродетельно любить своего ближнего как человеческое существо, то должно быть добродетельно – а не пороком – любить и себя, так как я тоже человеческое существо. Нет такого понятия человека, в которое не был бы включен и я сам. Доктрина, которая провозглашает такое исключение, доказывает, что она сама внутренне противоречива. Идея, выраженная в библейском "возлюби ближнего, как самого себя", подразумевает, что уважение к собственной целостности и уникальности, любовь к самому себе и понимание себя не могут быть отделены от уважения, понимания и любви к другому индивиду. Любовь к своему собственному "я" нераздельно связана с любовью к любому другому существу.

Теперь мы подошли к основным психологическим предпосылкам, на которых построены выводы нашего рассуждения. В основном эти предпосылки таковы: не только другие, но и мы сами являемся объектами наших чувств и установок; установки по отношению к другим и по отношению к самим себе не только не противоречивы, но и основательно связаны. В плане обсуждаемой проблемы это означает: любовь к другим и любовь к себе не составляют альтернативы. Напротив, установка на любовь к себе будет обнаружена у всех, кто способен любить других. Подлинная любовь – это выражение созидательности, и она предполагает заботу, уважение, ответственность и знание. Это не аффект (в смысле

подверженности чьему-то воздействию), а активная борьба за развитие и счастье любимого человека, исходящая из самой способности любить.

Любовь к кому-то – это сосредоточение и осуществление способности любить. Основной заряд, содержащийся в любви, направлен на любимого человека как на воплощение существеннейших личностных качеств. Любовь к одному человеку предполагает любовь к человеку как таковому. "Разделение труда", как называл это У. Джемс,* при котором человек любит свою семью, но не испытывает никакого чувства к "чужому", означает принципиальную неспособность любить.

* У.Джемс (1842-1910) – американский философ-идеалист и психолог, один из основоположников прагматизма.

Любовь к людям выступает не следствием, как часто полагают, а предпосылкой любви к какому-то определенному человеку. Из этого следует, что мое собственное "я" должно быть таким же объектом моей любви, как и другой человек. Утверждение собственной жизни, счастья, развития, свободы коренится в моей способности любить, т.е. в заботе, уважении, ответственности и знании. Если индивид в состоянии любить созидательно, он любит также и себя; если он любит только других, он вообще не может любить.

Считая, что любовь к себе и любовь к другим в принципе связаны, как мы объясним эгоизм, который, очевидно, исключает всякий истинный интерес к другим? Эгоистичного человека волнует только собственное "я", он желает всего хорошего только для себя, чувствует удовлетворение не тогда, когда отдает, а когда берет. На внешний мир он смотрит с точки зрения того, что он может получить от него для себя; такой человек безучастен к потребностям других людей, он не уважает их достоинство и целостность. Он в принципе не способен любить. Не доказывает ли это, что интерес к другим и интерес к самому себе неизбежно альтернативны? Это было бы так, если бы эгоизм и любовь к себе были тождественны. Но такое предположение как раз и есть тем заблуждением, которое ведет к столь многим ошибочным заключениям относительно нашей проблемы. Эгоизм и любовь к себе, ни в коей мере не будучи равнозначными, являются прямыми противоположностями.

Эгоистичный человек любит себя не слишком сильно, а слишком слабо, более того – по сути он себя ненавидит. Из-за отсутствия созидательности, что оставляет его опустошенным и фрустрированным, он неизбежно несчастен и потому судорожно силится урвать у жизни удовольствия, получению которых сам же и препятствует. Кажется, что он слишком носится с собственной персоной, но в действительности это только безуспешные попытки скрыть и компенсировать свой провал по части заботы о своем "я". З.Фрейд придерживается мнения, что эгоистичный человек влюблен в себя, он нарциссист, раз отказал другим в своей любви и направил ее на собственную особу. Безусловно, эгоистичные люди не способны любить других, но точно так же они не способны любить и самих себя.

Легче понять эгоизм, сравнивая его с неестественно жадным интересом к окружающим, какой мы находим, например, у чрезмерно заботливой матери. Хотя она искренне убеждена, что идеально нежна со своим ребенком, в действительности она испытывает к нему глубоко подавленную враждебность. Ее интерес избыточен не потому, что она слишком любит ребенка, а потому, что вынуждена компенсировать отсутствие способности вообще любить его.

Эта теория природы эгоизма рождена психоаналитическим опытом изучения "отсутствия эгоизма" – симптома невроза, наблюдаемого у немалого количества людей, которые обычно обеспокоены не самим этим симптомом, а другими, связанными с ним, – депрессией, утомляемостью, неспособностью работать, неудачей в любовных делах и т.п. Это "отсутствие эгоизма" не только не воспринимается как невротический симптом, но часто кажется спасительной и даже похвальной чертой характера. Человек, лишенный эгоизма, "ничего не желает для себя", "живет только для других", гордится тем, что не считает себя сколько-нибудь заслуживающим внимания. Его озадачивает, что вопреки своей неэгоистичности он несчастен и его отношения с близкими людьми неудовлетворительны. Анализ показывает, что полное отсутствие эгоизма – один из его признаков, причем зачастую самый главный. У человека парализована способность любить или наслаждаться чем-то, он проникнут враждебностью к жизни; за фасадом неэгоистичности скрыт утонченный, но от этого не менее сильный эгоцентризм. Такого человека можно вылечить, только если признать его неэгоистичность болезненным симптомом и устранить ее причину – нехватку созидательности.

Природа неэгоистичности становится особенно очевидной в ее воздействии на других, а в нашем обществе наиболее часто – в воздействии "неэгоистичной" матери на своего ребенка. Она убеждена, что благодаря этому ее свойству ребенок узнает, **что** значит быть любимым, и увидит, **что** значит любить. Результат ее неэгоистичности, однако, совсем не соответствует ее ожиданиям. Ребенок не обнаруживает счастья человека, убежденного в том, что он любим, напротив – он тревожен, напряжен, боится родительского неодобрения и опасается, что не сможет оправдать ожиданий матери. Обычно он находится под воздействием скрытой материнской враждебности к жизни, которую он скорее чувствует, чем явно осознает, и, в конце концов, сам заражается этой враждебностью. В целом воздействие неэгоистичной матери не слишком отличается от воздействия матери-эгоистки; а на деле оно зачастую даже хуже, потому что материнская неэгоистичность удерживает детей от критического отношения к матери. На них лежит обязанность не обмануть ее надежд; под маской добродетели их учат нелюбви к жизни. Если бы кто-то взялся изучить воздействие матери, по-настоящему любящей себя, он смог бы увидеть, что нет ничего более способствующего привитию ребенку опыта любви, радости и счастья, чем любовь к нему матери, которая любит себя.

Эти идеи любви к себе нельзя сформулировать лучше, чем это сделал М.Экхарт*:

"Если ты любишь себя, ты любишь каждого человека так же, как и себя.
Если же ты любишь другого человека меньше, чем себя, то в

действительности ты не преуспел в любви к себе, но если ты любишь всех в равной мере, включая и себя, ты будешь любить их как одну личность, и личность эта есть и Бог, и человек. Следовательно, тот великая и праведная личность, кто, любя себя, любит всех других одинаково".

* М.Экхарт (ок. 1260-1327) – немецкий мистик.

е. Любовь к Богу

Выше утверждалось, что основу нашей потребности в любви составляет переживание одиночества и вытекающая отсюда потребность преодолеть тревогу одиночества посредством объединения. Религиозная форма любви, которая называется любовью к Богу, в психологическом смысле не есть чем-то отличным. Она тоже берет начало в потребности преодолеть отчужденность и достичь единства. Действительно, любовь к Богу имеет так же много различных свойств и аспектов, как и любовь к человеку, и в значительной мере мы находим здесь те же самые различия.

Во всех теистических религиях, будь то политеистические или монотеистические религии, Бог означает высшую добродетель, самое желанное благо. Следовательно, специфическое значение Бога зависит от того, что составляет наиболее желанное благо для человека. Осмысление понятия Бога должно поэтому начинаться с анализа структуры характера человека, который поклоняется Богу.

Развитие рода человеческого, насколько мы знаем, можно характеризовать как отрыв человека от природы, от матери, от уз крови и земли. В начале человеческой истории человек, уже будучи лишен первоначального единства с природой, все еще пытается удержать эти первоначальные связи. Цепляясь за них, он ищет безопасности, все еще чувствуя тождество с миром животных и растений. Во многих примитивных религиях животное превращается в тотем: в наиболее торжественных религиозных действиях и во время войны надеваются маски зверей и птиц; животным поклоняются, как Богу. На более поздней стадии развития, когда человеческое умение уже развилось до уровня ремесла и искусства, когда человек не зависит более исключительно от даров природы, которые находит, и животных, которых убивает, он превращает в Бога продукты своих собственных рук. Это стадия поклонения идолам, сделанным из глины, дерева или золота. Человек проецирует свои собственные силы и умения на сделанные им вещи; так, в отчужденной форме, он поклоняется своей собственной доблести, своим способностям. На еще более зрелой фазе развития человек придает своим богам форму человеческих существ. Вероятно, это могло случиться только тогда, когда посредством самосознания он открыл себя как высшую и достойнейшую "вещь" в мире. На этом этапе почитания антропоморфного Бога мы обнаруживаем две тенденции. Одна исходит из женской или мужской природы Бога, другая отталкивается от уровня достигаемой человеком зрелости, уровня, который определяет природу его богов и природу его любви к ним.

Давайте сначала поговорим о развитии религий от матерински-центрированных к отцовски-центрированным. Согласно решающим открытиям И.Бахофена* и Л.Моргана** в середине XIX в., вряд ли можно

сомневаться, что матриархальная фаза религии предшествовала патриархальной, по крайней мере, во многих культурах. На матриархальной стадии Высшим Существом была мать. Она – богиня, наиболее авторитетное лицо в семье и обществе. Чтобы понять природу матриархальной религии, нам достаточно вспомнить, что было сказано о сущности всеобъемлющей материнской любви. Материнская любовь безусловна, следовательно, ее нельзя проконтролировать или вызвать извне. Обладание ею наделяет человека чувством блаженства, ее отсутствие вызывает ощущение потерянности и отчаяния. Так как мать любит своих детей, потому что они ее дети, а не потому, что они хорошие или послушные, то материнская любовь основана на равенстве. Все люди равны, потому что все они – дети Матери-Земли. Следующая стадия человеческой эволюции, о которой мы уже имеем достоверное знание, – это патриархальная фаза. В этот период мать утрачивает свое высшее положение и Высшим Существом становится отец – как в религии, так и в обществе. Природа отцовской любви такова, что отец выдвигает определенные требования, устанавливает принципы и законы и его любовь к потомству зависит от их выполнения. Отец любит лучшего сына, который похож на него, который наиболее послушен и подходит для того, чтобы стать его преемником и унаследовать его имущество. (Развитие патриархального общества шло рука об руку с развитием частной собственности.) Вследствие этого патриархальное общество иерархично. Равенство между братьями уступает место соперничеству и взаимной борьбе. Возьмем ли мы индийскую, египетскую или греческую культуру, культуру еврейско-христианскую или культуру исламской религии, везде мы имеем дело с патриархальным миром, с его мужскими богами, над которыми царствует один главный Бог, или где элиминированы все боги, за исключением Единственного Бога. Однако, так как желание материнской любви не может быть искоренено из сердца человека, трудно удивляться тому, что фигура любящей матери никогда не была полностью устранена из пантеона. В иудейской религии опять вводится материнский аспект божества, особенно в различных течениях мистицизма. В католической религии мать символизирует церковь и Деву-Богородицу. Даже протестантизмом фигура матери не была полностью изгнана, хотя она и остается скрытой. Лютер своим основным принципом, установил: что бы ни делал человек, он не может этим добыть любви Бога. Любовь Бога – благодать, религиозная установка – вера в эту благодать и пребывание малым и беспомощным; благие дела не могут повлиять на Бога или заставить Бога любить нас, как постулирует католическая доктрина. (Мы можем распознать в католической концепции добрых дел часть патриархальной картины: я могу добыть отцовскую любовь послушанием и исполнением его приказов.) С другой стороны, лютеранская доктрина косвенно несет в себе матриархальный элемент. Материнская любовь не может быть добыта: или она есть, или ее нет. Все, что я могу сделать, – это иметь веру (как говорит Псалмопевец: "Ты тот, кто дал мне веру, когда я пребывал еще у груди матери моей"), и обратиться в беспомощного, бессильного ребенка. Но особенность лютеранской веры состоит в том, что фигура матери исключена из очевидной картины и заменена фигурой отца; вместо определенности, достигаемой чувством, что ты наверняка любим матерью, парадоксальной чертой протестантизма становится напряженное сомнение, надежда на безусловную любовь отца.

* И.Бахофен (1815-1887) – швейцарский историк права, семьи и матриархата.

** Л.Морган (1818-1881) – американский историк и этнограф.

Я должен был рассмотреть различие между матриархальными и патриархальными элементами в религии, чтобы показать, что характер любви к Богу зависит от их соотношения. Патриархальный аспект заставляет меня любить Бога как отца: я признаю, что он справедлив и суров, что он карает и вознаграждает, наконец, что он изберет меня как своего возлюбленного сына, как бог избрал Авраама, как Исаак избрал Иакова, как Бог отметил избранный народ. В матриархальном аспекте религии: я люблю Бога как всеобъемлющую мать, я верю в ее любовь, и, пусть даже я беден и бессилён, пусть даже я согрешил, она будет любить меня, она не предпочтет мне никого другого из ее детей; чтобы бы ни случилось со мной, она спасет меня, убережет меня, простит меня. Нет нужды говорить, что моя любовь к Богу и любовь Бога ко мне нераздельны. Если Бог – это отец, он любит меня как сына, и я люблю его как отца. Если Бог – мать, ее и моя любовь определяются этим.

Различие между материнским и отцовским аспектами любви к Богу выступает, однако, только одним фактором, определяющим природу этой любви; другой фактор – уровень зрелости, достигнутой индивидом, а значит, и уровень зрелости его понятия Бога и его любви к Богу.

С тех пор как эволюция рода человеческого привела от матерински-центрированной к отцовски-центрированной структуре общества и религии, мы можем проследить преобразование зрелой любви главным образом в развитии патриархальной религии. (Это мнение особенно верно для монотеистических религий Запада. В индийских религиях фигура матери еще сохраняет значительное влияние, например, в образе богини Кали; в буддизме и даосизме понятие богов – или богинь – не имело существенного значения, если не отсутствовало вовсе.)

В начале этого развития мы находим деспотического, жестокого Бога, который считает созданного им человека своей собственностью и имеет право делать с ним все что угодно. Это та стадия религии, на которой Бог изгоняет человека из рая, чтобы тот не вкушал от древа познания добра и зла и не мог сам стать Богом; это этап, на котором Бог желает при помощи потопа уничтожить род человеческий, потому что никто из людей не любезен ему, за исключением любимого сына Ноя; это этап, на котором Бог требует от Авраама, чтобы тот убил своего единственного возлюбленного сына Исаака, высшим актом послушания доказав свою любовь к Богу. Но одновременно начинается новый этап: Бог заключает с Ноем договор, в котором обещает никогда не уничтожать человеческий род. Он ограничивает себя не только своими обещаниями, но также и собственным принципом, принципом справедливости, и на этой основе Бог должен уступить требованию Авраама пощадить Содом, если в нем найдется хотя бы десять праведников. Но развитие идет дальше, чем превращение Бога из фигуры деспотического племенного вождя в любящего отца, который ограничивает себя принципами, им самим постулированными. Оно идет в направлении превращения Бога из фигуры отца в символ его принципов, принципов справедливости, истины и любви. Бог – это истина, Бог – это

справедливость. В этом развитии Бог перестает быть личным существом, отцом. Он стал символом принципа единства в разнообразии явлений, воображаемым образом цветка, который вырастает из духовного семени в человеке. Бог не может иметь имени. Имя всегда обозначает вещь или личность, нечто конечное. Как может Бог иметь имя, если он не личное существо и не вещь?

Наиболее поразительный случай этой перемены обнаруживается в библейской истории откровения Бога Моисею. Когда Моисей сказал Богу, что евреи не поверят, что его послал Бог, пока он не скажет им имя Бога (как могли идолопоклонники понять безымянность Бога, если сама сущность идола в том, чтоб иметь имя?), то Бог пошел на уступки. Он сказал Моисею: "Я – сущий, вот мое имя". "Я сущий" означает, что Бог не конечен и не личность, и не "существо". Наиболее адекватный перевод этой фразы: скажи им, что "мое имя – безымянность". Запрещение создавать какой-либо образ Бога, произносить его имя всуе, наконец, вообще произносить его имя имеет ту же самую цель, что и освобождение человека от идеи, что Бог – это отец, что он личность. В последующем теологическом развитии эта идея была преобразована в утверждении, что Богу нельзя придавать никакого позитивного атрибута. Сказать о Боге, что он мудрый, сильный, благий, – это опять же представить его как личность; большее, что я могу сделать, – это сказать, чем Бог *не является*, констатировать негативные атрибуты, постулировать, что он не ограниченный, не немудрый, не несправедливый. Чем больше я знаю, что Бог – это *не*, тем больше мое знание о Боге.

Следующая зрелая идея монотеизма могла вести только к одному заключению: не упоминать имя Бога вообще, не говорить о Боге. Значит, Бог стал тем, чем он потенциально является в монотеистической теологии, безымянным Единым, чем-то невыразимым, понимаемым как единство, составляющее основу всего феноменального мира, основу всякого существования; Бог стал истиной, любовью, справедливостью. Бог – это я, насколько сам я – человек.

Вполне очевидно, что эволюция от антропоморфизма к чистому монотеистическому принципу повела к изменению понимания природы любви к Богу. Бога Авраама можно любить или бояться, как отца: иногда у него доминирует прощение, иногда гнев. Поскольку Бог выступает отцом, я выступаю ребенком. Я не избавился полностью от желания всеведения и всемогущества. Я все еще не достиг такой объективности, чтобы всецело признать ограниченность своего человеческого существа, свое невежество, свою беспомощность. Я все еще требую, как ребенок, чтоб был отец, который спасает меня, опекает меня, наказывает меня, отец, который любит меня, когда я послушен, которому лестна моя хвала и который гневается, если я непокорен. Без сомнения, большинство людей в их личном развитии не преодолевают этой инфантильности, и потому для большинства людей вера в Бога – помогающего отца – детская иллюзия. Несмотря на то, что это понимание религии было преодолено некоторыми великими учителями рода человеческого, оно все еще остается преобладающим.

А раз так, то критика идеи Бога, высказанная З.Фрейдом, вполне справедлива. Ошибка заключалась лишь в том, что он игнорировал другой аспект монотеистической религии и его истинную суть, логика которой ведет именно к отрицанию этого понятия Бога. Истинно религиозный человек, если он следует сущности монотеистической идеи, не молится ради чего-то, не требует чего-либо от Бога; он любит Бога не так, как ребенок любит своего отца или свою мать; он достигает смирения, чувствует свою ограниченность, зная, что он ничего не знает о Боге. Бог становится для него символом, в котором человек на ранней стадии своей эволюции выразил полноту всего того, к чему стремится сам, реальность духовного мира, любви, истины и справедливости. Он верит в принципы, которые представляет Бог, он думает истинно, живет в любви и справедливости, считает свою жизнь ценной только в той мере, в какой она дает ему возможность более полного раскрытия его человеческих сил как единственной реальности, которую он принимает в расчет, как единственного объекта пристального интереса; и, наконец, он не говорит о Боге, даже не упоминает его имени. Любить Бога – стремиться к достижению совершенной способности любить, к осуществлению того, что символизирует собой Бог.

С этой точки зрения логическим следствием монотеистической мысли является отрицание всякой "тео-логии", всякого "знания о Боге". И все же остается различие между такой радикальной нетеологической точкой зрения и нетеистической системой, как мы находим ее, например, в раннем буддизме или даосизме.

Во всех теистических системах, даже в нетеологических мистических системах, есть полагание реальности духовного мира как мира трансцендентного, придающего значение и ценность духовным силам человека и его стремлению к спасению и внутреннему рождению. В нетеистической системе не существует духовного мира, внешнего человеку или трансцендентного ему, а мир любви, разума, справедливости существует как реальность только потому и лишь в той степени, в какой человек способен развивать эти силы в себе в процессе своей эволюции. С этой точки зрения в жизни нет никакого смысла, кроме того, какой человек придает ей сам; человек абсолютно одинок, если он не помогает другому человеку.

Поскольку я говорил о любви к Богу, то хочу пояснить, что сам я мыслю не в теистических понятиях и что для меня понятие Бога – это только исторически обусловленное понятие, в котором человек на определенном историческом этапе выразил опыт восприятия своих высших сил, свое страстное стремление к истине и единству. Но я думаю также, что следствия строгого монотеизма и нетеистического пристального интереса к духовной реальности – это две точки зрения, которые, несмотря на различия, не должны бороться друг с другом.

Здесь, однако, возникает другое измерение проблемы любви к Богу, которое должно быть рассмотрено ради понимания сложности проблемы. Я имею в виду фундаментальное различие в религиозном отношении между Востоком (Китай и Индия) и Западом; это различие может быть выражено в логических понятиях. Со времен Аристотеля западный мир следует

логическим принципам аристотелевской философии. Эта логика основывается на законе тождества, который постулирует, что А есть А; законе противоречия (А не есть не-А) и законе исключенного третьего (А не может быть одновременно А и не-А, или ни А, ни не-А). Аристотель объяснил это положение весьма точно в следующем высказывании:

"Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении (и все другое, что мы могли бы уточнить, пусть будет уточнено во избежание словесных затруднений), – это, конечно, самое достоверное из всех начал..."

Аксиомы аристотелевской логики так глубоко проникли в наш образ мыслей, что воспринимаются как что-то естественное и самоочевидное, в то время как, с другой стороны, положение, что Х – это А и не-А, кажется бессмысленным. (Конечно, положение это имеет в виду предмет Х в данное время, а не Х настоящего и Х будущего времени, или один аспект Х, противопоставленный другому аспекту.)

Противоположностью аристотелевской логике есть логика, которая может быть названа парадоксальной; она предполагает, что А и не-А не исключают друг друга как предикаты Х. Парадоксальная логика преобладала в китайском и индийском мышлении, в философии Гераклита, а затем снова под именем диалектики появилась в философии Гегеля и Маркса. Основной принцип парадоксальной логики был точно описан Лао-цзы: "Слова, которые совершенно истинны, кажутся парадоксальными" и Чжуан-цзы: "То, что одно, – одно. То, что не одно, – тоже одно". Эти формулировки парадоксальной логики положительны: это есть, и этого нет. Другая формулировка отрицательна: это не есть ни этим, ни тем. Первую формулировку мы находим в даосизме, у Гераклита и в гегелевской диалектике; последняя формулировка часто встречается в индийской философии.

Хотя более детальное описание различия между аристотелевской и парадоксальной логикой выходило бы за пределы темы данной книги, я все же приведу несколько примеров, чтобы сделать этот принцип более понятным. Парадоксальная логика в западной мысли имеет свое раннее выражение в философии Гераклита. Он полагал конфликт противоположностей основой всего сущего. "Не понимают они, как Единое, расходящееся с собою, согласуется: противовратное крепление, как у лука и лиры". "В потоки те же мы входим и не входим, мы есми и не есми (имена остаются, а воды уходят)". "Одно и то же для Единого дурное и благое".

В философии Лао-цзы та же идея выражена в более поэтической форме. Характерный пример даосского парадоксального мышления содержится в следующем положении: "Тяжелое служит основой легкого, покой есть главное в движении". Или: "Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего, что бы оно не делало". Или: "Мои слова легко понять и легко осуществить. Но люди не могут понять и не могут осуществлять". В даосской мысли, так же как в индийской и сократовской, высшей точкой, которой может достичь мысль, служит знание о том, что мы ничего не знаем: "Кто, имея знания, делает вид, что не знает, тот выше всех. Кто, не имея знаний, делает вид, что знает, тот болен". Единственное следствие

этой философии в том, что высший Бог не может иметь имени. Высшую реальность, высшее Единое нельзя охватить в словах или в мыслях. Как выразил это Лао-цзы: "Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя". Или в другой формулировке: "Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это единое". И еще одна формулировка той же идеи: "Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает". Брахманская философия сосредоточивала интерес на отношении между многообразием (феноменами) и единством (Брахмой). Но парадоксальную философию Индии или Китая не следует смешивать с дуалистической точкой зрения. Гармония (единство) заключается в конфликте противоположностей, из которых она образована. "Брахманская мысль с самого начала была сосредоточена на парадоксе одновременных антагонизмов и – в то же время – идентичности проявляющихся сил и форм феноменального мира..." Высшая сила в универсуме, как и в человеке, трансцендентна и понятийной, и чувственной сфере. И поэтому она "ни это, ни то". Но в этом строго недуалистическом понимании нет антагонизма – "реального и нереального". В своем поиске единства, скрытого в многообразии, брахманские мыслители пришли к заключению, что постижение пары противоположностей отражает природу не вещей, а постигающего разума. Постигающая мысль должна выйти за пределы самой себя, если она стремится к постижению истинной реальности. Противоречие – это категория человеческого разума, но не сам по себе элемент реальности. В Ригведе этот принцип выражен в такой форме: "Я есмь двумя, силой жизни и материей жизни, двумя одновременно". Подобное понимание того, что мысль может осуществлять постижение только в противоречиях, находит еще более решительное продолжение в ведантистском образе мышления, который постулирует, что мысль – со всеми ее тончайшими различиями – представляет собой "только более неуловимый горизонт незнания, на самом деле самый неуловимый из всех иллюзорных проявлений майи".

Парадоксальная логика имеет важное значение для понятия Бога. Так как Бог представляет высшую реальность и так как человеческий разум постигает реальность в противоречиях, то о Боге не может быть высказано никакого утверждения. В веданте идея всеведения и всемогущества бога считается крайней формой незнания. Мы видим здесь связь с безымянностью дао, с безымянным именем Бога, открывшего себя Моисею, с абсолютным "ничто" М.Экхарта. Человек может знать только отрицание, но ни в коей мере не утверждение высшей реальности. "Итак, не может вообще человек познать, что есть Бог. Одно знает он хорошо: что не есть Бог... Так, не довольствуясь ничем, разум стремится к обладанию высшим из всех благ". По М.Экхарту, "божественное единство – это отрицание отрицаний и отрешение отрешений. Каждое творение содержит в себе отрицание: оно отрицает, что оно нечто другое". Единственное дальнейшее следствие в том, что для М.Экхарта Бог становится "абсолютным ничто".

Я рассмотрел различие между аристотелевской и парадоксальной логикой, чтобы подготовить почву для важного различия в понятии любви к Богу. Учителя парадоксальной логики говорят, что человек может постигать

реальность только в противоречиях и никогда не может постичь в мысли высшую реальность – единство, Единое само по себе. Это ведет к тому, что человек не должен искать как высшей цели ответа именно в мышлении. Мысль может привести нас только к знанию, что она не может дать нам окончательного ответа. Мир мысли оказывается в плену парадокса. Единственный способ, которым мир в его высшем смысле может быть охвачен, состоит не в мышлении, а в действии, в переживании единства. Так, парадоксальная логика ведет к выводу, что любовь к Богу не познание Бога мыслью, не мысль о собственной любви к Богу, а акт переживания единства с ним.

Это ведет к усугублению значения правильного образа жизни. Все в жизни – всякое мелкое и всякое важное действие – посвящено познанию Бога, но познанию не с помощью правильной мысли, а посредством правильного действия. Это можно ясно видеть в восточных религиях. В брахманизме, так же как в буддизме и даосизме, высшая цель религии не правильная вера, а правильное действие. То же самое мы находим и в иудейской религии. В иудейской культуре вряд ли когда-либо существовал раскол в вере (единственное значительное исключение – расхождение между фарисеями и саддукеями – было расхождением двух противоположных социальных классов). Особое значение в иудейской религии (особенно в начале нашей эры) имел правильный образ жизни, *хелах*.

В Новое время тот же принцип был выражен Спинозой, Марксом и Фрейдом. В философии Спинозы центр тяжести смещен с правильной веры на правильное поведение в жизни. Маркс утверждал тот же принцип, говоря, что философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его. Фрейдовская парадоксальная логика привела его к психоаналитической терапии, все углубляющемуся переживанию человеком самого себя.

С точки зрения парадоксальной логики суть не в мысли, а в действии. Эта установка ведет к нескольким другим следствиям. Во-первых, она ведет к терпимости, которую мы находим в индийском и китайском религиозном развитии. Если правильная мысль не есть высшей истиной и путем к спасению, то нет причины бороться с другими людьми, чья мысль приходит к иным формулировкам. Эта терпимость прекрасно выражена в истории о нескольких людях, которым предложили описать в темноте слона: один, прикоснувшись к его хоботу, сказал, что это животное подобно водосточной трубе; другой, прикоснувшись к уху, заявил, что это животное подобно вееру; третий, прикоснувшись к ногам, описал животное как столб.

Во-вторых, парадоксальная точка зрения ведет к подчеркиванию значения изменения человека в большей степени, чем значения развития догматов, с одной стороны, и науки, с другой. С индийской, китайской и мистической точек зрения религиозная задача человека состоит не в том, чтобы думать правильно, а в том, чтобы правильно действовать и (или) воссоединиться с Единым в акте сосредоточенного созерцания.

Противоположность этому составляет главное направление западной философии. Поскольку она надеялась найти высшую истину в правильной мысли, то акцент был сделан на мышлении, хотя правильное действие

тоже было признано важным. В религиозном развитии это вело к формулировке догматов, бесчисленным спорам о догматических формулировках, нетерпимости к еретикам или "неверующему". Далее, "вера в Бога" определялась как основная цель религиозной установки. Это, конечно, не значит, что в западной философии не было понятия о том, что надо жить правильно. Но все же человек, который верил в Бога – даже если он не жил по-божески, – чувствовал себя более высоким, чем тот, кто жил по-божески, но не верил в Бога.

Сосредоточение внимания на мышлении имеет еще и другое, исторически очень важное следствие. Идея, что можно найти истину в мысли, ведет не только к догме, но также и к развитию науки. Ведь в научной сфере главное – это правильная мысль, в смысле как интеллектуальной честности, так и применения научной теории к практике.

Короче говоря, парадоксальная мысль призывает к терпимости и проявлению усилий в направлении самоизменения. Аристотелевская точка зрения ведет к католической церкви, к догме и науке, к открытию атомной энергии.

Последствия различий между этими двумя точками зрения на проблему любви к Богу уже достаточно полно показаны, необходимо только кратко суммировать их.

В преобладающей на Западе религиозной системе любовь к Богу – это, в сущности, то же, что и вера в Бога, в божественное существование, божественную справедливость, божественную любовь. Любовь к Богу – это, в сущности, мысленный опыт. В восточных религиях и в мистицизме любовь к Богу – это напряженное чувственное переживание единства, нераздельно слитое с выражением этой любви в каждом жизненном действии. Наиболее радикальная формулировка этой цели дана М.Экхартом:

"Если бы я превратился в Бога и он сделал меня единым с собой, то есть, если бы я жил по-божески, не было бы между нами различия... Некоторые люди воображают, что они увидят Бога так, как если бы он стоял здесь, а они там, но так не может быть. Бог и я – мы одно. Познавая Бога, я принимаю его в себя. Любя Бога, я проникаю в него".

Теперь мы можем вернуться к важной параллели между любовью к собственным родителям и любовью к Богу. Ребенок начинает жизнь с привязанности к своей матери "как основе всякого бытия". Он чувствует беспомощность и необходимость всеобъемлющей любви матери. Затем он обращается к отцу, как к новому центру его привязанности; отец становится руководящим началом мысли и действия. На этой стадии поведение ребенка мотивировано необходимостью достичь отцовской похвалы и избежать его недовольства. На стадии полной зрелости он освобождается от матери и отца как опекающих и направляющих сил, утверждая в самом себе материнский и отцовский принципы. В истории рода человеческого мы видим – и можем предвидеть наперед – то же развитие: от первоначальной любви к Богу как беспомощной привязанности к матери-богине, через послушную привязанность к Богу-отцу, – к зрелой стадии, когда Бог

перестает быть внешней силой, когда человек вбирает в себя принципы любви и справедливости, когда он становится единым с Богом, наконец, к той точке, где он говорит о Боге только в поэтическом, символическом смысле.

Из этих размышлений следует, что любовь к Богу нельзя отделить от любви к своим родителям. Если человек не освобождается от кровной привязанности к матери, клану, народу, если он сохраняет детскую зависимость от карающего и вознаграждающего отца или какого-либо иного авторитета, он не может развить в себе более зрелую любовь к Богу; следовательно, его религия такова, какой она была на ранней стадии развития, когда Бог воспринимался как опекающая всех мать или карающий-вознаграждающий отец.

В современной религии мы находим все стадии: от самого раннего и примитивного развития до высшей стадии. Слово "Бог" обозначает как племенного вождя, так и "абсолютное ничто". Таким же образом и каждый индивид сохраняет в себе, в своем бессознательном, как было показано З.Фрейдом, все стадии, начиная со стадии беспомощного младенца. Вопрос в том, до какой стадии человек дорос. Одно вполне определено: природа его любви к Богу соответствует природе его любви к человеку. Действительный характер его любви к Богу и человеку часто остается бессознательным, будучи скрыт и рационализован более зрелой мыслью о том, что есть его любовь. Далее, любовь человека, хотя непосредственно она вплетена в его отношения со своей семьей, в конечном счете определяется структурой общества, в котором он живет. Если социальная структура основана на подчинении авторитету – явному авторитету или анонимному авторитету, допустим рынка и общественного мнения, – его понятие Бога по необходимости оказывается инфантильным и далеким от зрелости.

ЛЮБОВЬ И ЕЕ РАСПАД В СОВРЕМЕННОМ ЗАПАДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Если любовь – способность зрелого, созидательного характера, то отсюда следует, что развитие самой способности любить у индивида, живущего в какой-либо определенной культуре, зависит от влияния этой культуры на личность обычного человека. Имея в виду современное общество*, спросим себя: благоприятствует ли развитию любви социальная структура западной цивилизации и соответствующий этой структуре уровень духовности? Если так поставить вопрос, то придется ответить на него отрицательно. Объективные наблюдения за нашей жизнью не вызывают сомнения, что подлинная любовь – братская, материнская и эротическая – относительно редкое явление, ее место занято некими эрзацами, многочисленными формами псевдолюбви.

* Напоминаем, что книга написана в 1956 г. – *Примеч. ред.*

Западное общество основано на принципе политической свободы, с одной стороны, и принципа рынка как регулятора всех экономических, а следовательно, и социальных отношений, с другой. Товарный рынок определяет условия, при которых происходит

обмен товаров, трудовой рынок регулирует занятость работой и продажу труда. Как вещи, так и человеческая энергия и навыки превращаются в товары, которые обмениваются без применения силы и без обмана согласно условиям рынка. Туфли, хотя они могут быть пригодны и надежны, не имеют экономической ценности (обменной ценности), если на них нет спроса на рынке; человеческая энергия и навыки не обладают обменной ценностью, если при существующих рыночных отношениях на них нет спроса. Владелец капитала может купить труд и заставить его приносить себе прибыль. Владелец труда должен продавать его капиталисту по существующим рыночным условиям, если он не хочет умереть с голоду. Эта экономическая структура отражена в иерархии ценностей. Капитал господствует над трудом; масса вещей – то, что мертво, имеет более высокую ценность, чем труд, человеческие силы – то, что живо.

С самого начала это было основной структурой капитализма, однако изменились некоторые факторы, придав современному капитализму специфические качества и оказав глубокое влияние на личность современного человека. Как результат развития капитализма мы наблюдаем всевозрастающий процесс централизации и концентрации капитала. Большие предприятия непрерывно растут, меньшие подавляются. Обладание капиталом, инвестированным в эти предприятия, все больше и больше отделяется от функции управления им. Сотни тысяч держателей акций "владеют" предприятием; бюрократический аппарат хорошо оплачиваемых управляющих, которые, однако, не владеют предприятием, управляет им. Эта бюрократия намного меньше заинтересована в создании максимальной прибыли, чем в расширении предприятий и своей собственной власти. Растущая концентрация капитала и появление могущественной бюрократии управления идут параллельно с развитием рабочего движения. Вследствие организации трудовых объединений отдельный рабочий не должен сам от своего имени выступать в роли продавца своего труда на трудовом рынке; он включен в большие трудовые союзы, также руководимые мощной бюрократией, которая представляет за рабочего в отношениях с индустриальными гигантами. Как в области капитала, так и в области труда, к лучшему ли или к худшему, инициатива перешла от индивида к бюрократии. Огромное число людей утратили свободу и стали зависимы от администрации крупных предприятий.

Другая решающая черта, являющаяся результатом концентрации капитала и характеризующая современный капитализм, – это специфический способ организации труда. Централизация производства при предельном разделении труда приводит к тому, что человек теряет свою индивидуальность, становится легко заменимым винтиком, придатком к машине.

Проблема современного капитализма может быть сформулирована так. Современный капитализм нуждается в людях, которые сконцентрированы в большие массы и слаженно трудятся сообща; которые хотят потреблять все больше и больше; чьи вкусы стандартизированы, легко могут быть направляемы и предвосхищены. Капитализм заинтересован в людях, которые чувствуют себя свободными и независимыми, не подвластными какому-либо авторитету, принципу или совести и в то же время готовы подчиняться приказу, делать то, что от них требуют; они без конфликта прилаживаются к социальной машине. Ими можно руководить без применения силы, вести без ведущих, заставлять двигаться без какой-либо сознательной цели, за исключением цели делать товар, быть в движении, идти вперед.

Что из этого следует? Современный человек отчужден от себя, от своих ближних, от природы. Он превращен в товар, свои жизненные силы он воспринимает как инвестицию, которая должна приносить ему прибыль, максимально возможную при существующих

рыночных условиях. Человеческие отношения, в сущности, являются взаимодействием отчужденных автоматов, каждый из которых основывает свою безопасность на том, чтобы держаться в стаде теснее и не отличаться от других в мысли, чувстве или действии.

Хотя каждый старается быть как можно ближе к остальным, он остается крайне одиноким, проникнутым чувством опасности, тревоги и вины, которое всегда появляется там, где человеческая изолированность не может быть преодолена. Наша цивилизация предлагает много паллиативов, помогающих людям не ощущать своей отчужденности. Прежде всего, это строгий шаблон бюрократизированного, механизированного труда, который помогает людям оставаться вне осознания своих самых основных человеческих желаний, стремлений к высшим целям и единству.

Поскольку один этот шаблон не справляется с задачей, человек пытается преодолеть свое неосознанное отчаяние при помощи стереотипа развлечений, пассивного потребления звуков и зрелищ, предлагаемых развлекательной индустрией, а также удовлетворения от покупки новых вещей и скорой замены их другими. Современный человек, пользуясь характеристикой О.Хаксли*, – это человек хорошо накормленный, хорошо одетый, сексуально удовлетворенный, но не обладающий собственным "я", не имеющий никаких, кроме самых поверхностных, контактов со своими ближними, направляемый лозунгами типа "Кто страсти любит, тот общество губит", или "Никогда не откладывай на завтра удовольствие, которое можешь получить сегодня", или "Теперь каждый счастлив". Человеческое счастье сегодня состоит в том, чтобы развлекаться. Развлекаться – это значит получать удовольствие от употребления и потребления товаров, зрелищ, пищи, напитков, сигарет, людей, лекций, книг, кинокартин – все потребляется, поглощается.

* О.Хаксли (1894-1963) – английский писатель. Здесь речь идет о его романе-антиутопии "Прекрасный новый мир" (1932).

Мир – это один большой предмет нашего аппетита, большое яблоко, большая бутылка, большая грудь; мы – сосунки, вечно чего-то жаждущие, вечно на что-то надеющиеся – и вечно разочарованные. Наша психология приспособлена к тому, чтобы обменивать и получать, торговать и потреблять; все предметы – как духовные, так и материальные – становятся объектом обмена и потребления. И в области любви ситуация соответствует социальному облику современного человека. Автоматы не могут любить; они могут обменивать свои "личные пакеты", рассчитывая на удачную сделку.

Одна из самых значительных целей в любви и особенно в браках с их отчужденной структурой – это достижение "слаженности". В статьях о счастливом браке его идеал описывается как исправно функционирующий слаженный механизм. Это описание не слишком отличается от характеристики идеального служащего: он должен быть "разумно независим", готов к совместной работе, терпим и в то же время честолобив и активен. Таким же образом, как скажет нам брачный адвокат, муж должен "понимать" свою жену и помогать ей. Например, ему рекомендуется делать ей комплименты по поводу ее нового платья и вкусного блюда. Она в ответ должна "понимать" его, когда он приходит домой усталый и расстроенный; внимательно его выслушивать, когда он говорит о своих деловых затруднениях; не сердиться, когда он забывает о ее дне рождения. Весь набор этих проявлений внимания сводится к хорошо отлаженному партнерству двух людей, пусть и остающихся чужими друг другу на протяжении всей жизни, не

стремящихся к "глубинной душевной связи", но любезных друг с другом и старающихся сделать друг для друга жизнь как можно приятнее.

При таком понимании любви и брака подчеркивается их ценность как убежища, спасающего от непереносимого чувства одиночества. Создается союз двоих против мира, и этот эгоизм вдвоем ошибочно принимается за любовь и близость.

Воспевание идеала слаженности, взаимной терпимости и т.д. – явление относительно новое. В годы после первой мировой войны главным условием счастливого союза двоих считали обоюдное половое удовлетворение. Психологи были убеждены, что причины множества несчастливых браков заключаются в сексуальном несоответствии партнеров, в их "неправильном" половом поведении, т.е. в незнании техники "любовной игры" одним или обоими партнерами. Чтобы "излечить" эту беду и помочь неудачливым парам, во многих книгах давали инструкции и советы относительно правильного полового поведения и обещали, скрыто или явно, обретение счастья и любви.

Основополагающая идея состояла в том, что любовь – дитя полового наслаждения и если два человека в этом смысле научатся вполне удовлетворять друг друга, то они постигнут искусство любить. В соответствии с общей иллюзией времени полагали, что использование правильной техники касается не только индустриального производства, но также и всех сторон человеческой жизни. На самом же деле истина прямо противоположна этому предположению. Любовь не есть следствием полового удовлетворения, наоборот, даже знание так называемых половых приемов – это результат любви. Если бы этот тезис нуждался в ином, кроме повседневного наблюдения, доказательстве, то его можно было бы найти в обширном материале психоаналитических данных. Изучение наиболее часто встречающихся сексуальных проблем (фригидность у женщин и более или менее острые формы импотенции у мужчин) показывает, что причина здесь не в отсутствии знаний специфической техники, а в психологических торможениях, приводящих к неспособности любить. Страх или ненависть к другому полу становится источником тех трудностей, которые мешают человеку действовать стихийно, отдаваться полностью, непосредственно и доверчиво своему партнеру. Если человек с подобными торможениями сможет избавиться от страха или ненависти и обретет способность любить, исчезнут и сексуальные проблемы. Если нет, то не поможет и знание специальной техники.

Однако благодаря теории Фрейда положение о том, что любовь сопутствует обоюдному половому удовлетворению, имело огромное влияние на умы. Для Фрейда любовь была в основном половым феноменом.

"Человек, на опыте убедившись, что половая (генитальная) любовь приносит ему самое большое удовлетворение, так что фактически оно для него становится прототипом счастья, вынужден вследствие этого искать свое счастье на пути половых связей, ставить генитальную эротику в центр своей жизни".

Любовь как стремление к запретному, по Фрейду, была первоначально лишь проявлением чувственности, и в бессознательном человеке она все еще остается такой. Что касается ощущения слиянности, которое суть мистическое переживание и источник самой высшей радости единства с другим человеком или с ближними, то оно было интерпретировано З.Фрейдом как патология возвращения к состоянию раннего, "неограниченного нарциссизма".

Стоит сделать еще один шаг, чтобы, как Фрейд, отнести любовь к области иррационального. Разницы между иррациональной любовью и любовью как выражением зрелой личности для него не существует. В своей работе, посвященной переносу, он подчеркивал, что любовь, перенесенная на другой объект, в сущности своей всегда граничит с ненормальностью. Она всегда сопровождается безрассудностью в отношении действительности, подчиненностью слепой силе, т.е. похожа на детскую влюбленность, ее слепок. Любовь как интеллектуальный феномен, как вершина достигнутой зрелости не составляла для З.Фрейда предмета исследования, поскольку такая любовь для него вообще реально не существовала.

Фрейдовское понимание любви как результата полового влечения, или, вернее, сексуального удовлетворения, отражающегося в сознательном чувстве, стало отчасти популярно благодаря настроениям, преобладавшим в годы после первой мировой войны. Как общепринятое, так и фрейдовское понимание любви было, с одной стороны, реакцией на строгие нравы викторианской эпохи, а с другой – отражением взглядов на человека в буржуазном обществе того времени. Чтобы доказать, что товарно-производственные отношения капитализма соответствуют естественным потребностям человека, нужны были аргументы, подтверждающие, что он по своей природе склонен к конкуренции и полон враждебности к другим людям. Подобно тому как экономисты твердили о присущей человеку ненасытной жажде наживы, а дарвинисты – о биологическом законе выживания наиболее приспособленных существ, Фрейд строит свою теорию, полагая, что мужчиной руководит безграничное стремление к сексуальному покорению всех женщин и только давление общества препятствует ему в осуществлении этого желания. На этой почве между всеми мужчинами возникают взаимная зависть и конкуренция, которые будут продолжаться, даже если исчезнут все социальные и экономические к тому причины.

Наконец, мышление Фрейда находилось в значительной мере под влиянием того типа материализма, который преобладал в XIX в. Считалось, что духовное – производное от физиологического, а потому любовь, ненависть, честолюбие, зависть объяснялись Фрейдом как различные проявления одного и того же полового инстинкта. Он не замечал, что основополагающая реальность – это целостность человеческого существования: во-первых, общая всем людям духовная среда, во-вторых, "практика жизни", заданная специфической структурой общества. (Решительный шаг вперед от этого типа материализма был сделан Марксом в его "историческом материализме", в котором не тела и инстинкты (вроде потребности в пище или имуществе) служат ключом к пониманию человека, а целостный жизненный процесс, "практика жизни".)

Согласно Фрейду, полное и ничем не сдерживаемое удовлетворение всех инстинктивных желаний ведет к духовному здоровью и счастью. Но очевидные клинические факты показывают, что мужчина или женщина, которые посвящают свою жизнь сексу, очень часто страдают от острых неврозов. Полное удовлетворение всех инстинктивных потребностей не только не дает основы для счастья, но и не гарантирует даже психического благополучия.

Идеи Фрейда стали популярны в период после первой мировой войны только вследствие тех изменений, которые претерпел капитализм, когда центр тяжести был перенесен с накопления на расходование, с *самоограничения* как средства

экономического успеха на *потребление* как основу для сверхширокого рынка и главное удовольствие для одержимого тревогой, автоматизированного индивида. Не откладывать удовлетворение какого бы то ни было желания стало главной тенденцией как в сфере секса, так и в сфере всякого материального потребления.

Интересно сравнить взгляды З.Фрейда, соответствующие духу капитализма, когда он еще существовал в своем первоизданном виде в начале нашего века, с идеями, понятиями одного из самых блестящих психоаналитиков – Х.С.Салливана*. В его психоаналитической системе – в противоположность фрейдовской – мы находим строгое разграничение между сексуальностью и любовью.

* Х.С.Салливан (1892-1949) – американский психолог, один из основателей неофрейдизма.

Что они означают в концепции Салливана?

"Близость – это такой тип ситуации, включающей двух людей, которая дает достаточные возможности для утверждения всех их личных ценностей. Утверждение личных ценностей требует такого типа отношений, которые я называю сотрудничеством, а под ним разумею четко сформированную приспособленность поведения одного человека к выраженным потребностям другого человека ради увеличения идентичного, т.е. все более и более полного взаимного удовлетворения, а также для поддержания возрастающего у обоих чувства безопасности их положения".

Если мы освободим эти утверждения от некоторой языковой сложности, то сущность любви предстанет как ситуация сотрудничества, в котором два человека чувствуют так: "Мы играем по правилам игры, чтобы поддержать наш престиж, чувство превосходства и достоинство".

Как фрейдовская концепция любви дает описание опыта патриархального самца в условиях капитализма XIX в., так салливановское описание передает опыт отчужденной, мыслящей рыночными категориями личности XX в. Это описание "эгоизма вдвоем", эгоизма двух людей, объединенных своими общими интересами и противостоящих вместе враждебному и чуждому миру. Такое описание близости применимо к чувству любого слаженного сотрудничества, в котором каждый "приспосабливает свое поведение к выраженным потребностям другого человека ради общих целей" (показательно, что Салливан говорит здесь о выраженных потребностях, в то время как любовь предполагает у двух людей реакцию именно на невыраженные потребности).

Любовь как взаимное половое удовлетворение или любовь как "слаженная работа" и убежище от одиночества – это две "нормальные" формы псевдолюбви в современном западном обществе, социальные модели патологии любви. Существует много индивидуальных форм патологии любви, которые приводят к страданию, вызывающему неврозы. Некоторые из наиболее часто встречающихся форм кратко описаны в следующих примерах.

Основу невротической любви составляет то, что один или оба "любownika" остаются привязанными к фигуре одного из родителей и, уже будучи взрослыми, переносят чувства ожидания и страхи, которые испытывали по отношению к отцу и матери, на любимого человека. Эти люди никогда не освобождаются от образа зависимости и, повзрослев, ищут этот образ в своих любовных требованиях. В

подобных случаях человек – в смысле чувств – остается ребенком 2,5 или 12 лет, хотя интеллектуально и социально он находится на уровне своего возраста. В наиболее тяжелых случаях эмоциональная незрелость ведет к нарушениям социальной дееспособности; в менее тяжелых случаях конфликт ограничивается сферой интимных отношений.

Имея в виду наши предыдущие обсуждения матерински- или отцовски-центрированной личности, следующие примеры невротического типа любовных отношений коснутся людей, чье эмоциональное развитие осталось на стадии младенческой привязанности к матери. Это люди, которые как бы никогда от нее так и не отделились. Они все еще чувствуют себя детьми, жаждут материнской опеки, любви, тепла, заботы и восхищения. Словом, они беспомощны и жаждут безусловной материнской любви. Такие мужчины часто бывают нежны и обаятельны, стараются возбудить к себе женскую любовь, причем даже и после того, как добились своего. Но их отношение к женщине (как и ко всем другим людям) остается поверхностным и безответственным. Их цель – быть любимыми, а не любить. В мужчине такого типа обычно много пустоты, более или менее прикрытой грандиозными идеями. Когда, по прошествии некоторого времени, женщина перестает удовлетворять его фантастическим ожиданиям, начинаются конфликты и обиды. Если женщина не всегда восхищается им, если она делает попытки жить своей жизнью, если она хочет быть любимой и окруженной вниманием и (в крайних случаях) если она не согласна прощать ему его любовные дела с другой женщиной (или проявлять к ней восхищенный интерес), то мужчина чувствует себя глубоко задетым и разочарованным и обычно рационализирует это чувство посредством идеи, что женщина "эгоистка, так как не любит или подавляет его". Все, что не согласуется с отношением любящей матери к своему дорогому ребенку, расценивается как доказательство отсутствия любви. Такие мужчины обычно путают свою нежность и желание нравиться с подлинной любовью, а затем приходят к выводу, что с ними обошлись просто нечестно; они воображают себя великими любовниками и горько жалуются на неблагодарность своих подруг.

В редких случаях такая матерински-центрированная личность может жить без каких-либо тяжелых беспокойств. Если мать в самом деле "любила" сына, сосредоточив на нем все свое внимание (возможно, она подавляла его, не оказывая при этом разрушающего воздействия), если, став взрослым, такой человек нашел жену того же типа, что и мать, если его особые дарования и таланты позволяют ему использовать свое обаяние и возбуждать восхищение (как иногда в случае с удачливыми политиками), то он хорошо приспособляется в социальном смысле, так никогда и не достигнув более высокого уровня зрелости. Но при менее благоприятных условиях – а это случается, естественно, чаще – его любовная, а то и социальная жизнь приносит ему серьезные разочарования. Когда такой человек предоставлен самому себе, у него возникают внутренние конфликты, сопровождаемые тревогой и депрессией.

В более тяжелой форме патологии фиксированность на матери глубже и иррациональнее. Это желание, образно говоря, вернуться не в материнские заботливые руки или к ее кормящей груди, а в ее – всеприемлющее и всеуничтожающее – лоно. Так развивается душевная болезнь, следствием которой может стать навязчивая идея об уходе из жизни. Этот вид аномалии обращен обычно к тем матерям, которые свою привязанность к ребенку выражают поглощающе-разрушительным образом, т.е. хотят навсегда удержать возле своей

юбки дитя, даже ставшее уже юношей или мужчиной. Мать может дать жизнь и может забрать жизнь. Она та, кто порождает жизнь, и та, кто ее уничтожает; она может творить чудеса любви, но никто не может причинить больше боли, чем она. В религиозных образах (таких, как индусская богиня Кали) и в символике снов часто можно найти воплощение этих двух противоположных ипостасей матери.

Другую форму невротической патологии встречаем в тех случаях, где на первый план выступает привязанность к отцу.

Если мать бывает излишне холодна и сдержанна, отец (отчасти вследствие бесчувственности своей супруги) сосредоточивает все свои эмоции и интересы на сыне. "Хороший отец", он в то же время бывает жестко авторитарен. Всякий раз, когда он доволен поведением сына, он хвалит его, делает подарки, проявляет чуткость; когда же сын чем-либо вызывает недовольство отца, тот лишает его своей нежности или бранит. Сын, для которого отеческая любовь – единственное, что он имеет, становится рабски привязан к отцу, желая во что бы то ни стало нравиться ему. Если это удастся, он чувствует себя счастливым и довольным. Но когда допускает промахи или что-то у него выходит не так, он чувствует себя нелюбимым, отвергнутым. Став взрослым, он будет стараться найти в ком-либо отцовский образ, чтобы крепко привязаться к такому человеку. Вся его жизнь станет цепью взлетов и падений – в зависимости от того, удастся или нет добиться похвалы от своего кумира.

У таких людей социальная карьера часто бывает очень успешной. Они несознательны, надежны, усердны – при условии, что человек, избранный в качестве отцовского образа, понимает, как ими управлять. Но в своих отношениях с женщиной они остаются сдержанными и пренебрежительно-снисходительными, хотя часто внешне это выглядит отцовской заботой о ней как о маленькой девочке. Поначалу они часто производят на женщину сильное впечатление своими мужскими качествами. Но когда женщина, став супругой, выясняет, что ей выпало играть вторую роль после недостижимого отцовского образа – самого дорогого для ее мужа, то ее разочарованию нет предела. Может, однако, случиться, что и у жены осталась сильная привязанность к своему отцу – и тогда она счастлива с мужем, который печется, о ней как о беспомощном ребенке.

Более сложный вид невротической любви встречается в тех случаях, когда родители не любят друг друга, но не позволяют себе ссориться или высказывать недовольствие друг другу. Отстраненность не позволяет им быть естественными в своих отношениях к ребенку. Допустим, маленькая девочка живет в атмосфере "корректности", не допускающей близкого контакта с отцом или матерью; она никогда не знает, что родители чувствуют или думают. В результате девочка уходит в свой собственный мир, в мечты наяву. Установка отстраненности сохраняется и в ее позднейших любовных отношениях. Замкнутость в себе порождает постоянную тревожность, чувство недоверия к миру и часто ведет к мазохистским наклонностям как единственному способу выплеснуть эмоции, расковаться. Часто такая женщина предпочитает, чтобы муж устроил сцену, закричал на нее, но не оставался невозмутимым, потому что это хоть как-то может снять с нее бремя напряжения и страха; нередко такие женщины бессознательно провоцируют подобное поведение, чтобы избавиться от мучительного состояния эмоциональной сдержанности.

Опишем и другие часто встречающиеся формы патологии любви, впрочем, без анализа детских впечатлений, являющихся их источниками.

Форма псевдолюбви, которая нередко воспринимается (а еще чаще изображается в кинокартинах и романах) как "великая любовь", – это любовь-поклонение. Если человек не достиг уровня развития, на котором он обретает сознание собственного "я" благодаря продуктивной реализации своих возможностей, он имеет склонность обожествлять любимого. Будучи отчужден от своих собственных сил, он проецирует их на своего кумира, почитаемого как воплощение любви, света, блаженства; он теряет себя в любимом человеке, вместо того чтобы находить себя в нем. Поскольку обычно никакой человек не может в течение долгого времени жить согласно сверхожиданиям своего почитателя, то у последнего неминуемо наступает разочарование, возникает новый идол, иногда так происходит по многу раз. Что характерно для данного типа любви, так это сила и внезапность любовного переживания на начальном этапе. Любовь-поклонение часто описывается как истинная, великая любовь; но хотя она, казалось бы, должна свидетельствовать о глубине чувства, на самом деле такая всепоглощающая страсть обнаруживает лишь нищету духа и отчаяние поклоняющегося.

Другая псевдолюбовь может быть названа сентиментальной. Ее сущность в том, что чувство переживается только в воображении, а не в реальных отношениях с другим человеком. Наиболее широко распространенная форма этой любви – "заместительное" любовное удовлетворение, переживаемое потребителем песен, кинокартин и романов с мелодраматическими сюжетами. Все неосуществленные желания любви, единения и близости находят удовлетворение в поглощении такой продукции. Мужчина и женщина, которые в отношениях друг к другу не способны проникнуть сквозь стену отчужденности, бывают растроганы до слез, когда представляют себя участниками счастливой или роковой любовной истории, разыгрываемой на экране. Для многих пар это единственный способ пережить любовь – не реально, разумеется, а лишь в качестве ее зрителей. Как только они опускаются в мир действительных отношений, они становятся холодны и бездушны.

Другой вид сентиментальной любви – временная аберрация. Пара людей может жить трогательными воспоминаниями о своих прежних чувствах (забыв о том, что, когда это прошлое было настоящим, никакой любви они не ощущали), а также фантазиями о своей будущей любви. Как много помолвленных или молодоженов мечтают о некоем блаженстве, которое ожидает их якобы впереди, тогда как в данный момент они уже начинают скучать друг с другом! Эта тенденция совпадает с общей установкой, характерной для современного человека. Он живет в прошлом или в будущем, но не в настоящем. Он сентиментально вспоминает свое детство и свою мать или строит счастливые планы на завтра. Переживается ли любовь "заместительно", как фиктивное участие в переживаниях других людей, переносится ли она из настоящего в прошлое или в будущее, такие абстрактные и отчужденные формы любви служат лишь наркотиком, облегчающим боль реальности, одиночества и отчуждения.

Еще одно проявление невротической любви – нежелание замечать свои грехи и сосредоточенность на недостатках и слабостях "любимого" человека. Индивиды поступают в этом отношении так же, как группы, нации и религии. Они прекрасно видят даже маленькие слабости другого человека и, беспощадно обличая их,

охотно закрывают глаза на свои собственные пороки. Если два человека делают это одновременно (как это часто и бывает), то их любовные отношения превращаются в пытку постоянного взаиморазоблачения. Если я властен, или нерешителен, или жаден, я нахожу эти качества в моем партнере и в зависимости от моего характера пытаюсь искоренить эти недостатки или наказать за них. Моя "половина" делает то же самое, и таким образом мы оба успешно обходим свои пороки и потому не предпринимаем никаких шагов, которые помогли бы нам в собственном совершенствовании.

Другая форма псевдолюбви – это проекция своих проблем на детей. Прежде всего это часто проявляется в самом желании иметь ребенка. Когда человек чувствует, что не в состоянии придать смысл собственной жизни, он старается обрести этот смысл в сыне или дочери. Но так можно ввергнуть в беду как самого себя, так и свое дитя. Себя – потому что проблема существования может быть разрешена каждым человеком только внутри самого себя, а не при помощи посредника; ребенка – потому что в родителях могут отсутствовать те качества, которые необходимы для его воспитания. Дети служат "компенсаторным" целям и тогда, когда встает вопрос о расторжении несчастливой браку. Главный аргумент родителей в такой ситуации – они, мол, не могут разойтись, чтобы не лишать ребенка благоденствий единой семьи. Однако на самом деле атмосфера напряженности и безрадостности в подобной семье более вредна для ребенка, чем открытый разрыв, который по крайней мере учит, что человек в состоянии посредством смелого решения изменить непереносимую ситуацию.

Следует упомянуть здесь еще одну часто встречающуюся иллюзию. Так же, как люди привыкли думать, что боли и печали надо избегать при любых обстоятельствах, так же они убеждены, что любовь означает полное отсутствие конфликтов. Они находят доводы в пользу этой идеи в том, что столкновения мнений, которые они видят вокруг, оказывают взаиморазрушительное действие и не несут ничего хорошего ни одной из сторон. На самом же деле для большинства людей стремление разрешить конфликт – это поиск путей к примирению, согласию в спорном вопросе. Конфликты между любимыми происходят из желания не скрыть что-то или свалить вину на другого, а, наоборот, разобраться в причинах несогласия, чтобы их устранить. Такие конфликты не разрушительны. Они ведут к взаимопониманию, рождают катарсис, из которого оба человека выходят обогащенными новым знанием и силой.

Итак, любовь возможна, только если два человека связаны друг с другом всем своим существованием. Только в этом и проявляется человеческий облик, жизнотворность, сила любви. Любовь, так переживаемая, – это постоянный риск, напряжение, состояние не расслабления, а движения, роста, сотрудничества; наличие гармонии или конфликта, радости или печали вторично, производно от главного: два человека чувствуют полноту своего существования, и в единстве друг с другом каждый из них обретает себя, а не теряет. Есть только одно доказательство наличия любви: глубина отношений, их жизненная сила, преображающая каждого из любящих. Это те плоды, по которым узнается любовь.

Автоматы не могут любить ни друг друга, ни Бога. Упадок любви к Богу достиг тех размеров, что и к человеку. Этот факт разительно противоречит мнению, что мы в данное время являемся свидетелями религиозного ренессанса. Ничего не может быть дальше от истины. Мы свидетели (даже несмотря на некоторые исключения) возврата к идолопоклонническому пониманию Бога и превращения любви к Богу в

отчуждающее чувство. Люди тревожны, у них нет ни принципов, ни веры, они не видят для себя другой цели, кроме механического движения вперед; поэтому они продолжают оставаться детьми и надеяться, что, как когда-то мать или отец, кто-то придет к ним на помощь, когда эта помощь потребуется.

Конечно, в таких религиозных культурах, как средневековая, обычный человек тоже смотрел на Бога как на дающего помощь родителя. Но в то же время он принимал Бога всерьез в том смысле, что высшей целью человека была жизнь в согласии с Божьими заповедями; "спасение" составляло то высшее, чему были подчинены все другие действия. Ныне ничего такого не обнаруживается. Повседневная жизнь часто отделена от всех религиозных ценностей. Она посвящена борьбе за материальные блага и за успех на личном рынке. Принципы, на которых основаны наши светские усилия, – это принципы безразличия и эгоизма (последний часто величается "индивидуальной инициативой"). Человека истинно религиозных культур можно сравнить с ребенком лет восьми, который нуждается в отце-помощнике, но который все же старается самостоятельно применять его советы и принципы к своей жизни. Современный человек скорее похож на трехлетнего ребенка, который зовет на помощь отца, когда нуждается в нем, но которому вполне достаточно самого себя, когда он занят игрой.

С одной стороны, в детской зависимости от антропоморфного образа Бога без изменения жизни согласно Божьим заповедям мы ближе к примитивному племени идолопоклонников, чем к религиозной культуре средневековья. С другой стороны, наша религиозная ситуация обнаруживает черты, которые достаточно новы и характерны только для современного западного общества. Я могу сослаться на утверждения, сделанные в предыдущей части этой книги. Современный человек превратил себя в товар; он воспринимает свою жизненную энергию как инвестицию, от которой он желал бы получить как можно большую прибыль, учитывая свое положение на личном рынке. Он отчужден от себя, от своих ближних, от природы. Его главная цель – прибыльно обменяться своими умениями, знаниями и самим собой, своим "личным пакетом" с другими людьми, которые в равной мере стремятся к эквивалентному и прибыльному обмену. Жизнь для него не имеет иной цели, кроме цели куда-то двигаться, и иных принципов, кроме принципов честного обмена, иного удовольствия, кроме удовольствия потреблять.

Что может означать идея Бога в данных обстоятельствах? Она утратила свое первоначальное религиозное значение и превратилась в понятие, соответствующее отчужденной культуре успеха. В религиозном оживлении недавних времен вера в Бога превратилась в психологический прием, призванный способствовать лучшему приспособлению к конкурентной борьбе.

Религия приравнивается к самовнушению и психотерапии, способствующим деловому успеху. В 20-х гг. еще никто не взывал к Богу, чтобы "усовершенствовать свою личность". Бестселлер 1938 г. "Как находить друзей и влиять на людей" Д.Карнеги ограничился исключительно светским уровнем. Функция книги Д.Карнеги в то время была той же, что и нашего сегодняшнего бестселлера "Сила позитивного мышления" Р.Пила. В этой религиозной книге даже не ставится вопрос, находится ли доминирующая ныне заинтересованность в успехе в согласии с духом монотеистической религии. Напротив, эта высшая цель не подвергается сомнению, а вера и молитва рекомендуются как средства, способствующие достижению удачи. Так же как современные психиатры пекутся о

счастье трудящихся, чтобы привлечь клиентуру, так некоторые священники пекутся о любви к Богу, чтобы самим оказаться более конкурентоспособными. "Сделай Бога своим партнером" – это скорее значит "сделай Бога своим напарником в бизнесе, чем воссоединись с ним в любви, справедливости и истине". Так как братская любовь заменена суетной ярмаркой, то Бог превратился в недостижимого генерального директора акционерного общества Вселенной: ты знаешь, что он есть, что он руководит предприятием (хотя, вероятно, оно также могло бы управляться и без него); ты никогда не увидишь его, но ты признаешь его руководство, делая то, что тебе надлежит.

ПРАКТИКА ЛЮБВИ

Рассмотрев теоретический аспект искусства любить, мы сейчас стоим перед гораздо более трудной проблемой, обращенной к практике этого искусства. Трудность проблемы в том, что ныне большинство людей, а значит, и многие читатели этой книги ожидают, что им будут даны предписания, "как сделать это самому", в нашем случае это означает научиться любить. Боюсь, что всякий, кто приступает к этой последней главе с таким настроением, будет глубоко разочарован. Любовь – личное переживание, которое каждый может пережить только сам и в себе. В самом деле, вряд ли найдется хоть кто-то, кто не знает или не знал этого переживания хотя бы в малой степени в детстве, юности или в зрелом возрасте. Рассмотрение практики любви может сосредоточиться на предпосылках искусства любить и подступах к нему, а также на осуществлении этих предпосылок и подступов. Шаги к этой цели можно сделать только самостоятельно, а рассмотрение закончится прежде, чем будет сделан решительный шаг.

Практика любого искусства имеет определенные общие требования, прежде всего **дисциплины**. Я никогда ни в чем не достигну хороших результатов, если не буду исполнять свое дело упорядоченно; если я делаю что-то только, когда я "в настроении", это может быть приятным или забавным хобби, но я никогда не стану мастером в этом искусстве. Но проблема не исчерпывается дисциплиной только в практике какого-либо отдельного искусства (заниматься, скажем, определенное количество часов каждый день), но требует придерживаться порядка во всей собственной жизни. Можно подумать, что для современного человека нет ничего легче, чем этому научиться. Разве он не проводит ежедневно восемь часов на работе, которая подчинена строгому регламенту? Факт, однако, в том, что современный человек имеет чрезвычайно низкий самоконтроль за пределами рабочей сферы. Когда он не работает, ему хочется предаваться лени, ничего не делать или, выражаясь изящнее, "отдыхать". Само это желание безделья в значительной степени служит реакцией на однообразный жизненный шаблон. Из-за того, что человек пребывает в напряжении восемь часов в день, используя свою энергию не для своих собственных целей, не по своему усмотрению, а в предписанном для него ритме работы, он бунтует, и его бунт принимает форму детского потворства себе. К тому же в борьбе с авторитаризмом он становится недоверчив ко всякой дисциплине, ощущая ее как принуждение, приказание извне или сделанное самому себе по необходимости. Без такой упорядоченности, однако, жизнь становится расхлябанной, хаотичной и лишенной сосредоточенности.

Едва ли нужно доказывать, что **сосредоточенность** составляет необходимое условие для овладения искусством. Всякий, кто когда-либо пытался обучиться какому бы то ни было искусству, знает это. Сосредоточенность, однако, еще более редка в нашей культуре, чем самодисциплина. Напротив, наша культура ведет к ни с чем не сравнимой расплывчатости и беспорядочному образу жизни. Ты делаешь много вещей сразу: читаешь, слушаешь

радио, говоришь, куришь, ешь, пьешь. Ты – потребитель с открытым ртом, готовый поглощать все – картины, напитки, знания. Это отсутствие сосредоточенности станет очевидным, если вспомнить, как трудно нам оставаться наедине с собой. Для большинства людей невозможно сидеть спокойно, не разговаривая, не куря, не читая, не выпивая. Они становятся нервными и взвинченными и должны что-то делать со своим ртом и своими руками. (Курение – один из симптомов такого отсутствия сосредоточенности, оно занимает руку, рот, глаза и нос.)

Еще одно условие овладения людьми искусством – **терпение**. Опять же всякий, кто когда-либо пытался чему-либо учиться, знает, что терпение необходимо, если вы хотите чего-то достичь. Если кто-то гонится за быстрыми результатами, он никогда не придет к успеху. Однако для современного человека терпение столь же трудно достижимо, как дисциплина и сосредоточенность. Наша современная индустриальная система содействует прямо противоположному – поспешности. Все машины предназначены для быстроты: автомобиль и самолет быстро переносят нас к месту назначения – и чем быстрее, тем лучше. Машина, которая может производить то же количество за половину времени, в 2 раза лучше старой и более медленной машины. Конечно, для этого существуют важные экономические причины. Но, как и во многих других отношениях, человеческие ценности стали определяться материальными факторами. Что хорошо для машины, должно быть хорошо и для человека – такова нынешняя логика. Современный человек думает, что он теряет время, когда не действует максимально быстро, однако он не знает, что затем делать с выигранным временем, кроме как убить его.

Последним условием обучения всякому искусству служит искренняя **заинтересованность** в обретении мастерства. Если искусство не есть для него предмет первой важности, ученик никогда не обучится ему. Он останется в лучшем случае хорошим дилетантом, но никогда не станет мастером. Это условие столь же необходимо в искусстве любви, как и в любом другом искусстве. Однако, по-видимому, в искусстве любви больше, чем в каком-либо другом, пропорция между мастерами и дилетантами нарушается в сторону последних. Наряду с общими условиями обучения всякому искусству следует уделить внимание еще одной частности. Искусству начинают учиться не впрямую, а как бы исподволь. Прежде чем приступить к нему самому, нужно научиться большому числу, казалось бы, далеких от конечного результата вещей. В столярном искусстве ученик первым делом учится строгать простую доску; юный пианист начинает с гамм; ученик в дзенском искусстве стрельбы из лука начинает с дыхательных упражнений. Если человек хочет стать мастером, этой цели должна быть подчинена вся его жизнь или, по крайней мере, вплотную с ней связана. Собственная личность становится тем инструментом в практике искусства, который нужно поддерживать в таком состоянии, чтобы он мог исполнять свои особые функции. В отношении искусства любви это означает, что тот, кто стремится стать подлинным мастером, должен начать с тренировки дисциплины, сосредоточенности, терпения во всех сферах жизни.

Наши деды были, казалось бы, гораздо лучше дисциплинированы, чем мы. Они рекомендовали вставать рано утром, не предаваться ненужным излишествам, упорно трудиться. Однако этот тип дисциплины имеет очевидные недостатки, так как чрезвычайно суров и авторитарен, сосредоточен на ценностях умеренности и бережливости, словом, во многих отношениях враждебен жизни. Как реакция на этот вид дисциплины возникла все усиливающаяся тенденция неприятия всякой

дисциплины и потворства своим прихотям в качестве противовеса будничному шаблону, навязываемому нам в течение рабочего дня. Вставать в определенный час, посвящать определенное количество времени размышлениям, чтению, музыке, прогулке; не переедать и не перепивать, знать меру в чтении детективов и просмотрах кинобоевиков – вот несколько ясных и простых правил. Однако камень преткновения в том, что дисциплина не может проявиться под действием каких-то извне навязанных правил. Надо, чтобы она стала выражением собственной воли человека, воспринималась как что-то естественное, даже приятное, а для этого надо постепенно себя к ней приучать. Один из неудачных аспектов нашей западной концепции дисциплины (как и всякой добродетели) отражает мнение, что ее соблюдение должно быть чем-то мучительным. Восток же давно осознал, что то, что хорошо для человека – для его тела и духа, должно быть приятным, хотя бы вначале и пришлось преодолеть некоторые препятствия.

Сосредоточенность еще более трудно достижима в нашей культуре, где все, кажется, направлено против этого качества. Самое главное – научиться оставаться наедине с собой, без чтения, слушания радио, курения и т.д. Да, это умение есть необходимым условием способности любить. Если я привязан к другому человеку, потому что не могу стоять на собственных ногах, то он или она могут быть моим спасением в жизни, но это не будет отношениями любви.

Каждый, кто попытается остаться наедине с собой, убедится, как это трудно. Он почувствует беспокойство, напряженность или даже испытает чувство сильной тревоги. Он даже будет склоняться к мысли, что сосредоточенность не имеет ценности, что она просто глупа, отнимает слишком много времени и т.д. и т.п. Он к тому же заметит, что ему приходят в голову всевозможные мысли: о завтрашних планах или о трудностях предстоящей работы, о том, куда пойти вечером, или о каких-либо других вещах, которые воцаряются в вашей голове вместо ожидаемой пустоты и просветления. В достижении цели могут помочь несколько упражнений. Например, сесть в свободную позу (не слишком расслабившись и не слишком напрягаясь), закрыть глаза и попытаться увидеть перед собой белое пятно, а потом постараться удалить из сознания все образы и мысли; следить за своим дыханием – не думать о нем и не управлять им, а чувствовать его; далее попробовать ощутить свое "я": это я сам, центр своих сил, творец своего мира. Следует делать такое упражнение на сосредоточение каждое утро, по крайней мере 20 минут (а если возможно, то дольше), и каждый вечер перед сном. Кроме упражнений можно научиться концентрировать внимание на всем, что бы ни делалось: на слушании музыки, чтении книги, разговоре с человеком, рассматривании чего-либо. Если сосредоточиться, то не будет иметь значения, что делать; как важные, так и неважные вещи получают новое измерение, потому что на них сфокусируется все внимание. В процессе обучения сосредоточенности следует избегать, насколько это возможно, банальных разговоров, т.е. разговоров несущественных. Если два человека говорят о росте деревьев, в котором они оба разбираются, или о вкусе хлеба, который они вместе ели, то такая беседа может быть уместной при условии, что они оба одинаково переживают то, о чем говорят, а не толкуют об этом отвлеченно; с другой стороны, беседа может касаться вопросов политики или религии и все же быть тривиальной. Так получается, когда два человека изъясняются штампами, когда они не вкладывают душу в то, о чем говорят. Я должен здесь добавить, что насколько полезно исключить из своей жизни пустую болтовню, настолько же важно не попасть в дурную компанию. Под ней я понимаю не только людей злобных и вредных: их общества следует избегать, потому что они отравляют атмосферу и угнетают. Но я имею в виду

также "живых трупов" – людей, чей дух мертв, хотя тело живо; чьи речи состоят из стертых штампов и не содержат ни единой самостоятельной мысли. Однако не всегда возможно и даже не обязательно избегать общения с такими людьми. Если реагировать на их изречения не так, как они ожидают, т.е. стереотипно, а искренне, от души, то часто случается, что они меняют свое поведение.

Быть сосредоточенным в отношениях с другими людьми – значит в первую очередь уметь слушать. Большинство разговаривают с окружающими или даже дают советы, фактически их не слушая. Они не воспринимают слова другого человека всерьез, впрочем, так же несерьезно относятся и к своим собственным советам. В результате непродуктивный разговор утомляет их. Они подвержены иллюзии, что устали бы еще больше, если бы слушали внимательно. Но истина в противоположном. Всякая деятельность, если она осуществляется сосредоточенно, активизирует человека (хотя впоследствии и наступает естественная и полезная усталость).

Быть сосредоточенным – значит жить полностью в настоящем, здесь и сейчас; не думать о том, как осуществить предстоящее дело, в то время когда нужно что-то предпринимать именно сейчас. Нет необходимости говорить, что наиболее сосредоточенными должны быть те, кто любит друг друга. Им следует научиться быть близкими друг другу, не разбрасываясь по многим направлениям, как это обычно бывает.

Начинать тренировать сосредоточенность трудно; вначале кажется, что этой цели никогда не достичь, поэтому запаситесь терпением. Посмотрите, как малыш учится ходить. Он падает, падает, снова падает и все же продолжает делать попытки, совершенствуется, пока однажды не обретет успеха. Чего бы мог достичь взрослый человек, если бы обладал терпением ребенка и его сосредоточенностью на важных целях!

Нельзя научиться сосредоточенности, не умея чувствовать себя. Что это значит? Нужно ли все время думать о собственной персоне, "анализировать" себя? Если бы мы говорили о том, что значит чувствовать машину, это нетрудно было бы объяснить. Например, каждый водитель легко замечает даже тишайший, необычный стук, малейшие изменения при включении мотора. Его сознание фиксирует изменения поверхности дороги, а также движение машин, едущих перед ним и после него. Однако же он не думает обо всех этих факторах; его ум находится в состоянии релаксированной бдительности, воспринимая всю существенную информацию, которая может повлиять на безопасность движения автомобиля – главную цель водителя.

Если мы хотим узнать, как почувствовать другого человека, то самый лучший пример даст нам отзывчивость матери на своего ребенка. Она замечает любые физиологические перемены, нужды, тревоги ребенка еще до того, как они будут открыто выражены. Она пробуждается от плача ребенка, тогда как другие – более громкие – звуки не смогли ее разбудить. Все это означает, что она чувствует своего дитя; она не тревожна и не беспокойна, а находится в состоянии бдительного равновесия, воспринимая всякий сигнал, идущий от ребенка. Таким же образом можно взаимодействовать и с самим собой. Например, почувствовав усталость или депрессию, вместо того чтобы уступить им, надо спросить себя: "В чем дело? Почему я подавлен?" То же самое следует делать, когда замечаешь, что раздражен, разозлен или хочешь каким-то образом убежать от себя.

Прислушайтесь к своему внутреннему голосу: он подскажет – очень тихо, едва слышно, – откуда исходит тревога, почему мы ощущаем себя не в своей тарелке.

Обычный человек мгновенно подмечает у себя любую физиологическую переменную, самую незначительную боль; такой вид телесной восприимчивости относительно легко испытать, поскольку большинство людей имеют опыт хорошего самочувствия. Такое же реагирование на собственные духовные процессы намного более труднодостижимо, потому что мало кто встречал эталон человека, живущего оптимально. Люди принимают за норму психологическую жизнь своих родственников или той социальной группы, к которой относятся; пока они сами не отличаются от них, то чувствуют себя нормально и не заинтересованы в каких-либо наблюдениях. Есть много людей, которые никогда не видели, например, истинно любящего человека или человека безупречно честного, отважного, сосредоточенного. Вполне естественно: чтобы стать восприимчивым к себе, надо честно представить образ полной, здоровой человеческой жизни. А как ощутить такое переживание, если его не было ни в детстве, ни в позднейшей жизни? Ясно, что тут нет простого ответа, но сам вопрос указывает, на один весьма достойный критики фактор в нашей системе обучения.

Хотя мы учим знанию, мы оставляем без внимания такое обучение, которое в высшей степени важно для человеческого развития: обучение с помощью присутствия зрелого, любящего человека. В предшествующие эпохи наиболее высокоценным в обществе был человек выдающихся духовных качеств. Учитель был не только (и даже не в первую очередь) источником информации, но и примером того, по каким человеческим нормам надо жить. В современном капиталистическом обществе – то же относится и к русскому коммунизму – людьми, внушающими восхищение и желание подражать, являются кто угодно, но только не носители выдающихся духовных качеств. В глазах общественности значительны те, кто дает обычному человеку чувство заместительного удовольствия. Кинозвезды, исполнители песен, обозреватели, важные деловые и правительственные фигуры – вот наши образцы для подражания. На эту роль их зачастую выдвигает известность. Все же ситуация не представляется совсем уж безнадежной. Если принять во внимание, что такой человек, как Альберт Швейцер, смог стать знаменитым в Соединенных Штатах, если представить, как много есть возможностей познакомить нашу молодежь с жившими раньше и ныне историческими личностями, судьба которых доказывает, что могут свершить поистине достойные люди, а не увеселители в широком значении этого слова; если вспомнить о великих произведениях литературы и искусства всех времен, то окажется, что есть шанс создать представление о настоящей человеческой жизни. Если же нам не удастся развить восприятие подлинных ценностей, тогда мы действительно столкнемся лицом к лицу с вероятностью, что вся наша культурная традиция прервется. Эта традиция основывается на передаче прежде всего не определенных видов знания, а конкретных человеческих черт. Если грядущие поколения никогда больше не воспроизведут эти черты, культура пяти тысячелетий рухнет.

Пока что я рассматривал компоненты, необходимые для практики любого искусства. Теперь я собираюсь рассмотреть те качества, которые имеют особое значение для способности любить. В соответствии с тем, что я говорил о природе любви, главное условие в ее достижении составляет преодоление собственного нарциссизма. При нарциссической ориентации человек воспринимает как действительность только то, что существует внутри него самого, явления же

внешнего, мира реальны для него не сами по себе, а только с точки зрения их полезности или опасности для него лично. Полюс, противоположный нарциссизму, – это объективность; она представляет собой способность видеть людей и вещи как они есть, а также способность отделять эту объективную картину от иллюзии, сформированной собственными желаниями или страхами человека.

Все формы психозов показывают доходящую до крайности неспособность к объективности. Для безумца единственная реальность – та, которая существует внутри него, наполнена его страхами и желаниями. Явления внешнего мира он видит как символы своего внутреннего мира. Со всеми нами происходит то же самое, когда мы спим. Во сне мы творим события, раскручиваем драмы, которые являются выражением наших желаний и страхов, а иногда и наших интуиции. Хотя мы спим, мы воспринимаем продукты наших сновидений столь же реальными, как и ту жизнь, которую воспринимаем в состоянии бодрствования.

Безумец и фантазер полностью лишены объективного взгляда на внешний мир. Но все мы так или иначе безумны, все мы в большей или меньшей степени имеем необъективный взгляд на мир, взгляд, искаженный нашей нарциссической ориентацией. Привести примеры? Каждый может легко их найти, взглянув на самого себя, на своих ближних или почтав прессу. Они разнятся лишь степенью нарциссического искажения действительности. Например, женщина звонит врачу и говорит, что она хочет прийти к нему на прием в полдень. Врач отвечает, что в полдень он не свободен, но может принять ее на следующий день. Она отвечает: "Доктор, но я живу всего в пяти минутах ходьбы от вашей клиники". Она не может понять его объяснение, что ее близкое местонахождение к клинике не сэкономит ему время. Она воспринимает ситуацию нарциссически: поскольку она экономит время, то, значит, и он экономит время; единственная реальность для нее – она сама.

Менее экстремальны – или, возможно, только менее очевидны – искажения, которые встречаются в повседневных отношениях между людьми. Как много родителей реагируют только на то, послушен ли их ребенок, доставляет ли он им радость, является ли он их гордостью и так далее, вместо того чтобы воспринять или даже заинтересоваться тем, что чувствует сам ребенок! Как много мужей считают своих жен тиранками только потому, что воспоминание о снисходительности своих матерей заставляет взрослых мальчиков воспринимать любое требование супруги как ограничение собственной свободы! Как много жен считают своих мужей глупыми или неумелыми только потому, что они не соответствуют фантастическому образу блестящего принца, созданному ими в детстве!

В поговорку уже вошло отсутствие объективности в отношении к другим народам. Что ни день, в чужой национальности открываются все новые черты испорченности, жестокости, в то время как свой народ олицетворяет все самое хорошее и благородное. Каждое действие "чужих" оценивается по одному критерию, любой собственный шаг – по другому. Даже их хорошие поступки считаются знаками особых дьявольских уловок, имеющих целью обмануть нас и весь мир, в то время как наши скверные делишки признаются необходимыми и оправдываются высшими благородными целями, которым они служат. Если проследить отношения между народами, как и между индивидами, можно прийти к выводу, что объективность – это исключение, а большая или меньшая степень нарциссизма – правило.

Способность думать объективно разумна. Эмоциональная установка, основанная на разуме, – это **смирение**. Быть объективным, пользоваться собственным разумом возможно только при достижении установки на смирение, при избавлении от мечтаний о всезнании и всемогуществе, которые свойственны детству.

Применительно к практике рассматриваемого нами искусства это означает: любовь, будучи зависима от нарциссизма, требует развития смирения, объективности и разума. Вся жизнь должна быть посвящена этой цели. Смирение и объективность нераздельны, как и любовь. Я не могу быть по-настоящему объективным к своей семье, если не могу быть справедливым к чужим, и наоборот. Если я хочу научиться искусству любить, я должен стремиться к объективности в любой ситуации и стать восприимчивым к ситуациям, где я не прав. Я должен стараться видеть разницу между созданным мною образом человека и реальной личностью, существующей безотносительно к моим интересам, потребностям и страхам. Достижение объективности и разума – это половина пути к достижению искусства любить. Если кто-то хочет сохранить объективность к любимому человеку и думает при этом, что без нее можно обойтись в отношениях со всем остальным миром, он вскоре убедится, что проигрывает как в первом, так и во втором случае.

Способность любить зависит от умения освободиться от нарциссизма, от самозабвенной привязанности к матери и клану; она зависит от нашего желания расти, развивать созидательную ориентацию в наших отношениях к миру и к самим себе. Этот процесс освобождения, рождения, пробуждения требует одного качества, являющегося необходимым условием: **веры**. Практика любви требует практики веры.

Что такое вера? Обязательно ли это вера в Бога или в религиозные учения? Должна ли вера непременно противостоять или расходиться с разумом и рациональным мышлением? Чтобы хоть немного приблизиться к пониманию проблемы веры, нужно провести различие между рациональной и иррациональной верой. Под иррациональной верой я понимаю веру (в человека или идею), основывающуюся на подчинении иррациональному авторитету. Рациональная вера, напротив, – это убежденность, которая имеет своим источником наш собственный опыт, мысли и чувства. Рациональная вера – не верование во что-то, а определенность и стойкость, которые свойственны нашим убеждениям. Вера – это черта характера, пронизывающая всю личность, а не какая-то особая вера во что-то.

Рациональная вера коренится в созидательной интеллектуальной и эмоциональной деятельности. В рациональном мышлении, где, как считается, вере нет места, рациональная вера выступает важным компонентом. Например, ученый приходит к новому открытию. Разве он ставит эксперимент за экспериментом, собирает факт за фактом, не имея идеального образа того, что он ожидает найти? Редко по-настоящему важное открытие в какой бы то ни было области делалось именно таким способом. Люди не могут прийти к важным выводам и тогда, когда идут на поводу у своих фантазий. Процесс творческого мышления в любой области человеческих усилий часто начинается с того, что может быть названо рациональным образом, который представляет собой результат серьезного предыдущего исследования, рефлексивного мышления и наблюдения. Когда ученому удалось собрать достаточное количество данных или

выработать какую-то математическую формулу, делающую его первоначальный образ в высокой степени вероятным, можно сказать, что он создал экспериментальную гипотезу. Тщательный анализ гипотезы с целью изучения ее импликаций и сбор данных, ее подтверждающих, ведут к более адекватной гипотезе и, наконец, позволяют включить гипотезу в широкоохватную теорию.

История науки полна примеров веры в разум и истину. Коперник, Кеплер, Галилей и Ньютон – все они были вдохновлены нерушимой верой в разум. Из-за нее Бруно сгорел на костре, а Спиноза подвергся отлучению. Вера необходима на каждом шагу от замысла, рационального образа до формирования теории: вера в образ как рационально обоснованную цель, вера в гипотезу как вероятное и правдоподобное предположение и вера в окончательную теорию, пока наконец не будет достигнуто общее согласие в ее действенности. Эта вера имеет источник в опыте человека, его уверенности в силе собственной мысли, его наблюдениях и суждениях. В то время как иррациональная вера – это принятие чего-то как истинного только потому, что так говорят авторитеты или большинство людей, рациональная вера базируется на независимом убеждении, основанном на продуктивном наблюдении и мышлении человека вопреки мнению большинства.

В сфере человеческих отношений вера есть непрременной чертой всякой серьезной дружбы или любви. "Иметь веру" в другого человека – значит быть уверенным в надежности и неизменности его фундаментальных установок, самой сути его личности, его любви. Под этим я имею в виду не то, что человек не может менять своих мнений, а то, что его основные мотивации остаются одними и теми же: например, что его уважение к жизни и достоинству каждого человека составляет часть его самого. В этом же смысле мы верим в самих себя. Мы отдаем себе отчет в существовании собственного "я", неизменной сути нашей личности, сохраняющейся на протяжении всей нашей жизни наперекор различным обстоятельствам и неизбежным изменениям в мнениях и чувствах. Эта суть, воплощающая реальность того, что обозначается словом "я", и составляет основу нашего убеждения в своей подлинности. Если мы не имеем веры в постоянство нашего "я", чувство самооценки оказывается под угрозой и мы делаемся зависимы от других, людей, чье одобрение становится основой нашего самосознания. Только человек, который имеет веру в себя, способен верить в других, потому что он убежден, что в будущем останется таким же, каким он есть сегодня, а, следовательно, будет чувствовать и действовать так, как и теперь. Вера в себя – это условие нашей способности обещать, и поскольку, как говорил Ницше, человека можно определить по его способности обещать, вера выступает одним из условий человеческого существования. Что касается любви, то здесь имеет значение вера в собственную любовь, в ее возможность возбуждать любовь в другом человеке и в ее постоянство.

Другое значение веры в человека – это убежденность в потенциале других людей. Наиболее простая форма, в которой она существует, – это вера матери в свое новорожденное дитя: что оно будет жить, расти, ходить и говорить. Однако развитие ребенка происходит настолько последовательно, что ожидания подобного рода, кажется, не требуют веры. Другое дело – те возможности, которые могут не получить расцвета: способность ребенка любить, быть счастливым, разумным, а также более специфические потенции – такие, например, как художественные дарования. Это семена, которые прорастают, если есть надлежащие условия для их развития, в противном случае они окажутся загублены.

Одно из самых важных среди этих условий – то, чтобы человек, играющий значительную роль в жизни ребенка, был убежден в его возможностях. Наличие такой веры разграничивает воспитание и манипуляцию. Воспитание тождественно помощи ребенку в реализации его способностей. Манипуляция противоположна воспитанию, так как основана на отсутствии подобной веры и на убеждении, что ребенок будет хорошим, только если взрослые вложат в него то, что желательно, и подавят то, что представляется нецелесообразным.

Вера в других достигает своей кульминации в вере в человечество. В западном мире эта вера была выражена в религиозных терминах христианской религии, а в светском языке она находит свое сильнейшее выражение в гуманистических политических и социальных идеях последних полутора столетий. Как и вера в ребенка, эта вера основана на идее, что возможности человека позволят ему при надлежащих условиях построить социальный порядок, управляемый принципами равенства, справедливости и любви. Поскольку до сих пор человеку не удалось построить такой порядок, тезис, что он сможет это сделать, все еще требует веры. Но, как и всякое рациональное чувство, эта вера также есть не благим пожеланием, а основывается на свидетельствах прошлых достижений человеческого рода и на внутреннем опыте каждого индивида, на его собственном опыте разума и любви.

В то время как иррациональная вера зиждется на подчинении силе, которая воспринимается непреодолимой, всезнающей и всемогущей, рациональная вера основывается на противоположном опыте. Эта вера пребывает в нашей мысли, потому что она результат нашего собственного наблюдения и раздумья. Мы верим в возможности других людей, в свои возможности и в человечество только в той степени, в которой испытали рост собственных способностей, действительность этого роста в самих себе, могущество нашего разума и любви.

Основа рациональной веры – созидательность. Из этого следует, что вера в силу (в смысле доминирования, навязывания своей воли) и использование силы тождественна неверию в развитие еще не успевших реализоваться возможностей. Она предсказывает будущее, основываясь исключительно на проявлениях нынешнего времени, что оказывается серьезным просчетом, так как глубоко иррационально в своей неспособности учитывать человеческие возможности и человеческое развитие. Не существует рациональной веры в силу. Есть подчинение ей (или тому, кто ею обладает), желание ее удержать. В то время как многим сила кажется самой реальной из всех вещей, история доказала, что это самое ненадежное из всех человеческих проявлений из-за того, что вера и сила взаимно исключают друг друга. Все религии и политические системы, первоначально строившиеся на рациональной вере, неизбежно разлагались и утрачивали свою былую мощь, когда обращались к силе или вступали с ней в союз.

Чтобы верить, нужна отвага, способность идти на риск, готовность принять даже муки и разочарование. Кто дорожит безопасностью и спокойствием как первостепенными условиями жизни, тот не может верить; кто ушел в глухую оборону, где средствами безопасности служат дистанция и собственность, тот сам делает себя узником. Чтобы быть любимым и любить, необходима смелость считать определенные ценности достойными высшего внимания, а также мужество ради этих ценностей ставить на карту все.

Такая отвага сильно отличается от той, о которой говорил известный фанфарон Муссолини, когда употребил лозунг "Жить надо среди опасностей". Это отвага нигилизма, коренящаяся в решительной установке по отношению к жизни, в готовности потерять ее из-за неспособности ее любить. Отвага отчаяния противоположна отваге любви так же, как вера в силу противоположна вере в жизнь. Существует ли что-то, что надо практиковать, чтобы верить и быть отважным? По правде говоря, веру можно упражнять каждый момент. Веры требует воспитание ребенка; веры требует даже ежедневное засыпание; вера требуется, чтобы начать любую работу. Но мы все привыкли иметь подобную веру. Кто ее не имеет, тот без конца страдает от тревоги за своего ребенка, или от бессонницы, или от неспособности к любому созидательному труду, либо становится подозрителен и воздерживается от тесных контактов с кем бы то ни было, либо превращается в ипохондрика. Придерживаться собственных суждений о человеке, даже если общественное мнение или какие-то непредвиденные факты, казалось бы, противоречат этому суждению; не поступаться собственными убеждениями, даже если они непопулярны, – все это требует веры и отваги. Принимать трудности, поражения и горести жизни как испытания, из которых мы выходим сильными, а не как незаслуженную кару – это тоже требует веры и отваги.

Тренировка веры и отваги начинается с мелочей повседневной жизни. Первый шаг – это заметить, где и когда вера была потеряна, исследовать собственное объяснение, которое используется, чтобы скрыть эту утрату, отметить, где ты действовал трусливо и, опять же, как эта трусость преподносилась. Уяснить, что каждая измена вере ослабляет тебя, а возрастающая слабость ведет к новым изменам, и так далее, по порочному кругу. Тогда человек осознает: хотя он вроде бы боялся оказаться нелюбимым, на самом деле это был страх перед любовью. Любить – значит довериться, отдаться полностью в надежде, что твоя любовь возбудит ответное чувство в любимом человеке. Любовь – акт веры; кто имеет мало веры, тот имеет и мало любви.

Одну установку, крайне необходимую для совершенствования искусства любить, которая прежде упоминалась лишь мельком, нужно рассмотреть внимательнее, так как она основная. Это **активность**. Я уже говорил, что она означает не делание чего-то, а внутреннюю мобильность, созидательное использование своих сил. Если я люблю, то нахожусь в состоянии постоянного активного интереса к любимому человеку. Но не только к нему или к ней. Я не смогу активно любить, если я ленив, если я не испытываю постоянного самосознания, бодрости, деятельности. Сон должен стать единственной ситуацией, допускающей бездеятельность. Ныне же огромное число людей находятся в парадоксальной ситуации – они наполовину бодрствуют, когда спят или хотят спать. Быть острым в мысли, в чувстве, активно видеть и слышать на протяжении всего дня, избегать внутренней лени, то ли в форме откладывания чего-то на потом, то ли в форме спланированного пустого времяпрепровождения, не скучать и не быть скучным для других – это обязательное условие для практики в искусстве любить. Иллюзия – считать, что можно разграничить жизнь таким способом, что она будет созидательной в области любви и бездеятельной в остальных сферах. Рассмотрение искусства любить неразрывно связано с социальной средой. Если иметь установку на любовь ко всему, если любовь – черта характера, она должна обязательно присутствовать в отношениях не только к своей семье и друзьям, но также и к тем, с кем человек вступает в контакт, например, в своей профессиональной деятельности. Здесь нет разделения между любовью к своим

и любовью к чужим. Напротив, условием существования первой выступает существование второй. Приняв это всерьез, мы круто изменили бы свои социальные отношения, отступив от общепринятых. Хотя много слов произносится о религиозном идеале любви к ближнему, в действительности наши отношения определяются в лучшем случае принципом честности. Быть честным означает не обманывать и не хитрить в обмене товарами-услугами, а также в обмене чувствами. "Я даю тебе столько же, сколько ты даешь мне". Это преобладающая этическая максима капиталистического общества в смысле как материальных благ, так и любви. Можно даже сказать, что развитие критерия честности – специфический вклад капиталистического общества в сферу этики.

Причины этого – в самой природе капиталистического общества. В докапиталистических культурах обмен благами определялся непосредственной силой, традицией, личными узами любви и дружбы. При капитализме определяющим фактором выступает рыночный обмен. Имеем ли мы дело с товарным рынком, или рынком труда, или рынком услуг, каждый человек обменивает то, что имеет для продажи, на то, что он хочет приобрести по условиям рынка, не прибегая к силе или обману.

Этику честности легко спутать с этикой "золотого правила". Максиму "Делай другим то, что ты хотел бы, чтобы делали тебе" можно истолковать в смысле: "Будь честен в своем обмене с другими". Но в действительности она первоначально была сформулирована в более популярной библейской заповеди: "Возлюби ближнего своего, как самого себя". Иудейско-христианская норма братской любви на деле совершенно отличается от этики честности. Она требует любить своего ближнего, т.е. чувствовать ответственность за него и единство с ним, в то время как этика честности вынуждает не чувствовать ответственности и единства, а держаться на расстоянии и порознь; она вменяет уважать права своего ближнего, а не любить его. Неслучайно "золотое правило" сегодня становится самой популярной религиозной концепцией, поскольку ее можно истолковать в категориях этики честности, к тому же она единственная, которую практически каждый понимает и готов применять. Но практика любви должна начинаться с осознания различия между честностью и любовью.

Здесь, однако, возникает важный вопрос. Если вся наша социальная и экономическая организация основывается на том, что каждый ищет выгоды для себя самого, если она руководствуется принципом эгоизма, только смягченного этическим принципом честности, как можно делать бизнес, действуя в рамках существующего социального уклада, и в то же время любить? Разве любовь не предполагает отказа от всех светских интересов и не требует разделить участь беднейших? Радикально отвечали на этот вопрос христианские монахи и люди вроде Льва Толстого, Альберта Швейцера и Симоны Вейл. Есть и такие, кто считает принципиально несовместимыми любовь и нормальную светскую жизнь в нашем обществе. Они пришли к выводу, что слова о любви сегодня умножают общую ложь, и заявляют, что в сегодняшнем мире может любить только мученик или сумасшедший, а потому всякое обсуждение любви не что иное, как проповедь. Такая почтенная точка зрения легко может послужить рационализации цинизма. И действительно, ее безотчетно придерживается обыватель, который рассуждает: "Я хотел бы быть хорошим христианином, но мне пришлось бы умереть с голоду, если бы я воспринял это серьезно". Этот "радикализм" в конечном счете ведет к моральному нигилизму. И "радикальные мыслители", и обыватель, лишенные любви, подобны роботам; единственное различие в том,

что обычный человек не ощущает этого, а "радикальный мыслитель" сознает и постулирует "историческую необходимость" данного положения вещей.

Я убежден, что признание абсолютной несовместимости любви и "нормальной" жизни истинно только в абстрактном смысле. Принцип, лежащий в основе капиталистического общества, и принцип любви несовместимы. Но современное общество в своем конкретном проявлении представляет собой сложный феномен. Продавец бесполезного товара, например, не может исполнять свою экономическую функцию, не прибегая ко лжи, а квалифицированный рабочий, химик или физик – может. Подобным образом фермер, рабочий, учитель и многие другие могут пытаться любить, не прекращая своих профессиональных занятий. Даже если заявить, что принцип капитализма несовместим с принципом любви, следует признать, что капитализм сам по себе есть сложной и постоянно изменяющейся структурой, которая все же допускает много неконформизма и личной свободы.

Говоря это, я, однако, не склонен предполагать, что действующая ныне социальная система будет продолжать свое существование бесконечно, и в то же время надеяться на реализацию идеала любви к своему ближнему. Люди, способные любить, при нынешней системе неизбежно составляют исключение – не столько потому, что многие профессии не допускают отношений любви, сколько потому, что дух общества, сосредоточившего свой интерес на производстве товаров и алчущего товаров, таков, что только неконформист может успешно защищать себя от него. Те, кто серьезно относится к любви как единственному разумному ответу на проблему человеческого существования, должны прийти к выводу о необходимости важных и радикальных перемен в нашей социальной структуре, если любви предстоит стать общественным, а не исключительно индивидуальным явлением.

О направлении таких перемен в рамках этой книги можно только намекнуть. Наше общество управляется менеджерской бюрократией, профессиональными политиками; обыватели подвергаются массовому внушению, их задача – больше производить и больше потреблять. Все виды деятельности подчинены экономическим целям, средства становятся целями, человек есть автоматом – хорошо накормленным, хорошо одетым, но без какого-либо глубокого интереса к своим характерным человеческим качествам и функциям. Если человек в состоянии любить, он должен занять свое высшее положение. Экономическая машина обязана служить ему, а не он ей. Его кровное право – участвовать в переживании, в творческой деятельности, а не только, в лучшем случае, в прибылях. Общество должно быть организовано таким образом, чтобы испытываемая потребность в любви натура человека не отделялась от его социального существования, а воссоединилась с ним. Любое общество, которое исключает развитие любви, должно в конце концов погибнуть оттого, что оно противоречит основным человеческим потребностям. Анализ природы любви раскрывает ее общее отсутствие сегодня и ведет к критике ответственных за это социальных условий. Вера в возможность любви как социального, а не только исключительно индивидуального явления – это разумная вера, основанная на способности понимать человеческое естество.

Вместо заключения

Любовь имеет два разных значения в зависимости от того, имеем ли мы в виду любовь по принципу обладания или бытия.

Может ли человек *иметь* любовь? Будь это возможно, любовь должна была бы существовать в виде какой-либо вещи, субстанции, которой человек может владеть и обладать как собственностью. Но дело в том, что такой вещи, как "любовь" не существует. "Любовь" – это абстракция; может быть, это какое-то неземное существо или богиня, хотя никому еще не удавалось увидеть эту богиню воочию. В действительности же существует лишь *акт любви*. Любить – это форма продуктивной деятельности. Она предполагает проявление интереса и заботы, познание, душевный отклик, изъявление чувств, наслаждение и может быть направлена на человека, дерево, картину, идею. Она возбуждает и усиливает ощущение полноты жизни. Это процесс самообновления и самообогащения.

Если человек испытывает любовь по принципу обладания, то это означает, что он стремится лишиться объект своей "любви" свободы и держать его под контролем. Такая любовь не дарует жизнь, а подавляет, губит, душит, убивает ее. Когда люди *говорят* о любви, они обычно злоупотребляют этим словом, чтобы скрыть, что в действительности они любви не испытывают. Многие ли родители любят своих детей? Этот вопрос все еще остается открытым. Ллойд де Моз обнаружил, что история западного мира двух последних тысячелетий свидетельствует о таких ужасных проявлениях жестокости родителей по отношению к собственным детям – начиная от физических истязаний и кончая издевательствами над их психикой, – о таком безразличном, откровенно собственническом и садистском отношении к ним, что приходится признать, что любящие родители – это скорее исключение, чем правило.

То же самое можно сказать и о браке. Основан ли он на любви или, согласно традициям прошлого, на существующих обычаях, или на голом расчете, действительно любящие друг друга муж и жена представляются исключением. То, что в действительности есть расчетом, обычаем, общими экономическими интересами, обоюдной привязанностью к детям, взаимной зависимостью или взаимной враждой или страхом, осознается как "любовь" – пока один или оба партнера не признаются, что они не любят и никогда не любили друг друга. Сегодня в этом отношении может быть отмечен некоторый прогресс: люди стали более реалистично и трезво смотреть на жизнь, и многие уже больше не считают, что испытывать к кому-либо половое влечение – значит любить его, или что теплые, хотя и не особенно близкие отношения между друзьями есть не что иное, как проявление любви. Этот новый взгляд на вещи способствовал тому, что люди стали честнее, а также и тому, что они стали чаще менять партнеров. Это не обязательно приводит к тому, что любовь возникает чаще; новые партнеры вполне могут столь же мало любить друг друга, как и старые.

Переход от "влюбленности" к иллюзии любви-"обладания" можно часто со всеми конкретными подробностями наблюдать на примере мужчин и женщин, "влюбившихся друг в друга". В период ухаживания оба еще не уверены друг в друге, однако каждый старается покорить другого. Оба полны жизни, привлекательны, интересны, даже прекрасны – поскольку радость жизни всегда делает лицо прекрасным. Оба еще не *обладают* друг другом; следовательно, энергия каждого из них направлена на то, чтобы *быть*, то есть отдавать другому и стимулировать его. После женитьбы ситуация зачастую коренным образом меняется. Брачный контракт дает каждой из сторон

исключительное право на владение телом, чувствами и вниманием партнера. Теперь уже нет нужды никого завоевывать, ведь любовь превратилась в нечто такое, чем человек *обладает*, – своего рода собственность. Ни тот, ни другой из партнеров уже больше не прилагает усилий для того, чтобы быть привлекательным и вызывать любовь, поэтому оба начинают надоедать друг другу, и в результате красота их исчезает. Оба разочарованы и озадачены. Разве они уже не те люди, которыми были прежде? Не ошиблись ли они?

Как правило, каждый из них пытается отыскать причину подобной перемены в своем партнере и чувствует себя обманутым. И ни один из них не видит, что теперь они уже не те, какими были в период влюбленности друг в друга; что ошибочное представление, согласно которому любовь можно *иметь*, привело их к тому, что они перестали любить. Теперь вместо того, чтобы любить друг друга, они довольствуются совместным владением тем, что имеют: деньгами, общественным положением, домом, детьми. Таким образом, в некоторых случаях брак, основывавшийся сначала на любви, превращается в мирное совместное владение собственностью, некую корпорацию, в которой эгоизм одного соединяется с эгоизмом другого и образует нечто целое: "семью".

Когда пара не может преодолеть желания возродить прежнее чувство любви, у того или другого из партнеров может возникнуть иллюзия, будто новый партнер (или партнеры) способен удовлетворить его жажду. Они чувствуют, что единственное, что им хочется иметь, – это любовь. Однако для них любовь не служит выражением их бытия, это богиня, которой они жаждут покоряться. Их любовь неизбежно терпит крах, потому что "любовь – дитя свободы" (как поется в одной старинной французской песенке), и тот, кто был поклонником богини любви, становится в конце концов настолько пассивным, что превращается в унылое, надоедливое существо, утратившее остатки своей прежней привлекательности.

Все это не означает, что брак не может быть наилучшим решением для двух любящих друг друга людей. Вся трудность заключается не в браке, а в собственнической экзистенциальной сущности обоих партнеров и, в конечном счете, всего общества. Приверженцы таких современных форм совместной жизни, как групповой брак, смена партнеров, групповой секс и т.д., пытаются, насколько я могу судить, всего лишь уклониться от проблемы, которую создают существующие для них в любви трудности, избавляясь от скуки с помощью все новых и новых стимулов и стремясь *обладать* как можно большим числом "любовников" вместо того, чтобы научиться любить хотя бы одного.